

ФЛОРЕНС Л. БАРКЛАЙ

РОЗАРИЙ

ЗНАМЕНИТЫЙ РОМАН О ЛЮБВИ,
ПОКОРИВШИЙ МИР

Флоренс Л. Барклай

Розарий

«Автор»

2026

Барклай Ф.

Розарий / Ф. Барклай — «Автор», 2026

Роман о любви, покори́вший мир. На исходе эдвардианской эпохи тишина старинных садов поместья Оверден становится свидетелем зарождения бурного чувства. Известный художник Гард Далмейн — баловень судьбы и светский лев — без памяти влюбляется в Достопочтенную Джейн Чемпион. Однако гордая и независимая Джейн отвергает его предложение, опасаясь неравного союза и не желая мириться с высокомерием живописца. Неожиданный поворот судьбы меняет всё: спасая любимую в пустыне, Гард теряет зрение. Слепота становится для него сокрушительным ударом, также духовным испытанием, заставляющим переосмыслить всю жизнь. Но Джейн не покидает его в беде: скрывая своё лицо под маской простой сиделки, она возвращается, чтобы преданно ухаживать за ослепшим мастером. «Розарий» — это трогательная, глубокая и вневременная история о преодолении гордыни, испытании чувств и истинной красоте, которая находится далеко за пределами внешней оболочки. Книга, покори́вшая сердца миллионов читателей по обе стороны Атлантики.

© Барклай Ф., 2026

© Автор, 2026

Флоренс Л. Барклай

Розарий

Предисловие переводчика

Есть книги, которые стареют вместе с эпохой, оставшись в ней пожелтевшими архивными листками, а есть произведения вневременные, способные даже спустя столетие говорить с читателем на языке живых, трепещущих чувств. К числу последних принадлежит роман британской писательницы Флоренс Барклай «Розарий», впервые вышедший в 1909 году и ставший одним из самых популярных романов следующего, 1910 года.

В эпоху, когда литература все чаще тяготеет к цинизму, деконструкции и быстротечным сюжетам, возвращение к таким текстам становится своего рода целительным актом. «Розарий» — это не просто классический роман о любви. Это тонкая, глубокая психологическая драма о столкновении двух сильных характерах, о гордыне и смирении, об искуплении через испытания и о преданности, способной выдержать удар судьбы.

История взаимоотношений талантливого художника Гарта Далмейна и независимой, остроумной аристократки Джейн Чемпион строится на тонком психологическом напряжении. Джейн любит Гарта, но отказывает ему, опасаясь, что художник, боготворящий красоту, со временем разочаруется в её некрасивом лице. Она думает, что оберегает их обоих, однако этим решением причиняет глубокую боль любимому. Несчастный случай, после которого Гарт теряет зрение, становится новым испытанием для обоих героев. Их путь к взаимному доверию превращает историю в гимн любви и преданности.

Работая над русским переводом, автор этих строк стремился бережно сохранить неповторимую атмосферу начала XX века — ту особую английскую сдержанность, эlegantность слога и эмоциональную насыщенность, которыми так славилась проза Флоренс Барклай. Хочется верить, что этот новый перевод позволит отечественному читателю заново открыть для себя жемчужину мировой сентиментальной классики и пройти этот путь вместе с героями — от первых искр взаимного притяжения до тихой гавани подлинного душевного единения.

Владимир Давыдов

Главные и второстепенные персонажи

1. Гарт Далмейн

Кто такой: Главный герой романа, талантливый, всемирно известный художник-портретист.

Характер и эволюция: Жизнерадостный, привлекательный мужчина, тонко чувствующий красоту и привыкший к светскому успеху. Под внешней лёгкостью скрываются серьёзность и верность идеалу, связанному с памятью о матери. Он любит Джейн, но её отказ причиняет ему глубокую боль. Позднее Гарт теряет зрение в результате несчастного случая на охоте в Шотландии. Любовь Джейн и собственная внутренняя стойкость помогают ему вновь принять жизнь; в финале его творческий дар находит выход в музыке.

2. Достопочтенная Джейн Чемпион

Кто такая: Главная героиня, независимая аристократка. В романе её называют «достопочтенная Джейн».

Внешность и образ: Высокая, крепко сложенная женщина с каштановыми волосами. Автор не изображает её красавицей: Джейн сознаёт свою внешнюю непривлекательность. Её достоинство, доброта и выразительность особенно раскрываются в пении.

Характер: Умная, волевая, прямодушная и самоотверженная. Боится, что Гарт, обожающий красоту, пожалеет о браке с нею, и потому отказывает ему, хотя сама его любит. После его несчастья ухаживает за ним под именем сестры Розмари Грей. Ей предстоит преодолеть собственное недоверие и открыто признаться в любви.

3. Джорджина, герцогиня Мелдрум

Кто такая: Тётя Джейн Чемпион, хозяйка поместья Оверден. Влиятельная, эксцентричная и острая на язык дама высшего света.

Роль в сюжете: Собирает в Овердене друзей и устраивает музыкальные вечера. Её юмор, независимость и неожиданные замечания оживляют повествование. В финале приезжает в Глениш и присутствует на венчании племянницы и Гарта.

4. Дерек Бранд / сэр Дерек Бранд

Кто такой: Врач, специалист по нервным болезням, близкий друг Джейн и друг Гарта. Муж Флауэр.

Роль в сюжете: Поддерживает обоих героев после несчастного случая с Гартом. Помогает Джейн понять его переживания и устроить уход за ним, не раскрывая сразу её имени. Его проницательность и такт помогают героям вновь обрести взаимное доверие.

5. Флауэр, леди Бранд

Кто такая: Супруга сэра Дерек Бранда, близкая подруга Джейн Чемпион.

Роль в сюжете: Её семейное счастье и нежность к мужу служат важным фоном для истории Джейн и Гарта. При этом её чувства и реакции не сводятся к безмятежной мягкости: отношения с Джейн показаны с тонким психологическим юмором.

6. Майра Инглби / леди Инглби

Кто такая: Леди Инглби, подруга Джейн и хозяйка Шенстона, где гостят герои.

Роль в сюжете: Добрая, гостеприимная светская женщина. Джейн и Гарт высоко ценят её счастливый брак. Узнав о несчастье Гарта, Майра приезжает к нему в Шотландию и утешает Марджери. Она не является отрицательной героиней или соперницей Джейн.

7. Доктор Роберт Маккензи

Кто такой: Шотландский врач, лечащий Гарта в Гленише. Друзья называют его доктором Робом или стариной Робби.

Роль в сюжете: Резкий и эксцентричный с виду, но внимательный и сострадательный человек. Знаком с Джейн по её работе в госпитале во время Англо-бурской войны. Помогает ей ухаживать за Гартом и поддерживает обоих героев.

8. Сестра Розмари Грей

Кто такая: Профессиональная медсестра, первоначально приглашённая к Гарту. По обстоятельствам уезжает в Австралию; её место занимает Джейн, используя её имя. Розмари не монахиня.

Роль в сюжете: Имя Розмари Грей позволяет Джейн ухаживать за ослепшим Гартом, не раскрывая сразу своей личности. В большей части последующих сцен «сестра Розмари» — сама Джейн под этим именем.

Глава I. Появляется герцогиня

Над парком и садами Овердена царил мирная тишина английского летнего дня. По лужайке медленно скользил солнечный свет, удлинялись тени, и под большим кедром манила обещанная прохлада. Старый каменный дом, прочный, основательный, без всяких украшений, сулил простор и уют внутри; снаружи же от откровенного безобразия его спасали великолепный плющ, магнолии и глициния, за долгие годы взобравшиеся по гладким стенам и теперь укрывавшие их мягкой зеленью, крупными белыми цветами и каскадом лиловых соцветий. Вдоль всего дома тянулась терраса; с одного конца к ней примыкала большая оранжерея, с другого — птичник. Через равные промежутки широкие каменные ступени спускались с террасы на мягкую, упругую траву лужайки. Дальше раскинулся обширный парк: группы старых деревьев, среди которых прятались пугливые бурые олени, а за деревьями местами поблёскивала река — узкая серебряная лента, прихотливо выходящая среди высоких трав, лютиков и ромашек.

Солнечные часы показывали четыре. У птиц настал час молчания. Среди тихо колымавшихся листьев не слышалось ни трели, ни щебета, ни писка. Тишина казалась почти гнетущей. Единственным ярким пятном в этом пейзаже был большой алый ара, спавший на своей подставке под кедром.

Наконец послышался звук открываемой двери. На террасу вышла причудливая старушечья фигурка, прошла направо до самого её конца и скрылась в розовом саду. Герцогиня Мелдрум отправилась срезать розы.

На ней была древняя соломенная шляпка той формы, какую в ранние викторианские времена называли «грибком», с чёрными лентами, завязанными под её внушительным подбородком; свободная куртка из бурого полотна, очень короткая твидовая юбка и энгадинские башмаки. На руках — старые-престарые перчатки с крагами; в руках — деревянная корзинка и огромные ножницы.

Один острослов как-то заметил: если вам случится встретить её светлость герцогиню Мелдрум, когда она возвращается с садовых работ или покормив домашнюю птицу, то в приступе благотворительности вы, пожалуй, подадите ей шестипенсовик. Но стоит вам таким образом привлечь её внимание и попасть под её взгляд — куда там плащу сэра Уолтера Рэли! Останется лишь рухнуть в грязь и позволить герцогским башмакам пройти по вашей спине. Герцогиня проделает это с удовольствием, затем добродушно примет ваши извинения, а шестипенсовик оставит себе, чтобы показывать его, рассказывая эту историю.

Герцогиня жила одна; иначе говоря, ни постоянное общество кого-либо из родни, ни неизменные улыбки и лесть наёмной компаньонки её не прельщали. Её бледная дочь, которую она неизменно осаживала, вышла замуж; её красавец сын, которого она обожала и баловала, умер безвременно, ещё до кончины Томаса, пятого герцога Мелдрум, последовавшей несколько лет назад. Конец его был внезапным и, как часто замечала герцогиня, весьма подходящим: в день своего шестидесятидвухлетия, во всём великолепии алого охотничьего камзола, цилиндра и палевых вельветовых бриджей, он безжалостно гнал кобылу на непосильное препятствие; она вдруг заупрямилась, и Томас, герцог Мелдрум, вылетел на поле репы, упал головой вниз и больше не произнёс ни слова.

Этот внезапный конец его шумной, бурной жизни совершенно изменил окружение герцогини. До той поры ей приходилось либо терпеть близких ему по духу собутыльников, которыми он любил наполнять дом, либо приглашать тех из собственных друзей, кому можно было объяснить Томаса и кто охотно сносил его ради дружбы с нею и удовольствия побывать в чудесном Овердене. Но и тогда приёмы не доставляли герцогине радости: пусть с виду она и напоминала причудливый неогранённый алмаз, в жилах её текла голубейшая из голубых кровей. В манерах её были и бесцеремонная отрывистость, и пренебрежение чужими чувствами, нередкие у пожилых дам высокого звания; однако в душе она оставалась истинной аристократкой, и в важную минуту всегда можно было положиться на то, что она скажет и сделает именно то, что следует.

Покойный герцог ругался так, что пахло серой, а манерами принадлежал ещё георгианской эпохе. Когда же его положили в непривычной тишине родового склепа — «так на него не похоже, бедняжку, что прямо утешительно знать: сам-то он на самом деле не там», как заметила герцогиня, — её светлость огляделась и начала понимать всю прелесть Овердена и все возможности, какие он открывал.

Поначалу она довольствовалась садоводством, устройством птичника и тем, что окружала себя всевозможными диковинными птицами и зверями; на них она изливала нежность, которой в последние годы не находилось применения среди людей. Но постепенно природная склонность к гостеприимству, весёлое удовольствие от чужих слабостей и своеобразная

радость выставять напоказ собственные привели к тому, что в Овердене одна гостевая компания стала сменять другую. Вскоре он прославился как царство свободы и разнообразных удовольствий: здесь всегда встречались именно те люди, которых больше всего хотелось видеть, имелись все возможности предаваться любимым занятиям, кормили и размещали превосходно. Здесь проходили самые прекрасные дни лета или самые весёлые дни зимы; никто не скучал, никому ничто не надоедало, каждый мог приходить и уходить, когда ему вздумается, — а всё и вся приправляла восхитительная пикантность: никогда нельзя было знать наверняка, что герцогиня скажет или сделает в следующую минуту.

Мысленно она делила свои приёмы на три разряда: «сборища чудаков», «сборища просто людей» и «лучшие сборища».

В тот прекрасный июньский день, когда герцогиня после необычно долгого послеобеденного сна надела то, что называла своим «садовым обмундированием», и отправилась срезать розы, в доме гостило «лучшее сборище».

Пока она тяжело ступала по террасе к маленькой железной калитке розового сада, алый ара Томми открыл один глаз и следил за нею; когда она дошла до калитки и исчезла, он громко чмокнул ей вслед, посмеялся про себя и снова заснул.

Из всех многочисленных питомцев Томми был главным любимцем. Он воплощал единственную уступку герцогини болезненной сентиментальности. После кончины герцога её стало угнетать, что всякий мужской голос обращался к ней с неизменно учтивым почтением. Если бы дворецкий мог фыркнуть или приходской священник — выпалить какое-нибудь нелестное определение, герцогиня бы приободрилась. Но стойкая, непреходящая меланхолия владела её душой до тех пор, пока в списке одного торговца ей не попалось объявление о породистом ара: великолепном говоруне, как уверялось, со словарём более чем в пятьсот слов.

Герцогиня немедленно отправилась в Лондон, посетила торговца, послушала несколько слов попугая — и особенно то, каким тоном он их произносил, — тут же купила его и увезла в Оверден.

В первый вечер он сердито сидел на жердочке своей великолепной новой подставки и отказывался произнести хоть одно из пятисот слов. Герцогиня провела весь вечер в холле, перепробовав всевозможные места: сначала рядом с ним, потом в дальнем углу, в кресле за ширмой; читала, отвернувшись и делая вид, что не замечает его; сидела напротив, сосредоточенно глядя на него. Томми лишь цокал языком всякий раз, когда она появлялась из очередного укрытия. А если через холл торопливо проходил несколько встревоженный дворецкий или нервничавший младший лакей, он осыпал их звонкими поцелуями, а затем разражался приступами утробного хохота.

В отчаянии герцогиня даже попыталась шёпотом напомнить ему те выражения, какие он употреблял в лавке; но Томми лишь подмигнул ей и прикрыл клюв лапой. И всё же его пунцовый, алый вид радовал её, и она отправилась спать, исполненная надежды и нисколько не жалея о покупке.

На следующее утро горничной, подметавшей холл, лакею, разбиравшему письма, и дворецкому, ударившему в гонг к завтраку, сразу стало очевидно: крепкий ночной сон вернул

Томми полное владение его словарным запасом. И когда герцогиня, спустя десять минут после гонга, величаво поплыла вниз по лестнице, а Томми, гневно хлопая крыльями, завизжал:

— Ну, старая! Шевелись! —

она пошла завтракать в таком прекрасном расположении духа, какого не знала уже много месяцев.

Глава II. Знакомство с достопочтенной Джейн

Из всей родни лишь племянница и бывшая воспитанница герцогини, достопочтенная Джейн Чемпион, могла до некоторой степени считать её дом своим. Впрочем, это означало только то, что достопочтенная Джейн была единственным человеком, который мог сам пригласить себя в Оверден или на Портленд-плейс, приехать, когда захочется, прожить сколько угодно и уехать, когда будет удобно.

После смерти отца, когда закончилось её одинокое девичество в норфолкском доме, она с радостью стала бы герцогине дочерью. Но герцогине дочь не требовалась; а дочь с определёнными взглядами, весьма твёрдым характером, прекрасной фигурой и некрасивым лицом показалась бы её светлости Мелдрум приобретением особенно нежелательным. Поэтому Джейн дали понять, что она может приезжать когда угодно и оставаться сколько угодно, но на тех же правах, что и все остальные. Иными словами, она была вольна приходить и уходить по своему усмотрению и не несла никаких обязанностей перед гостями тётушки. Герцогиня предпочитала сама распоряжаться своими приёмами, на собственный лад.

Джейн Чемпион шёл тридцатый год. Один человек, умевший видеть глубже внешности, как-то назвал её совершенно прекрасной женщиной в совершенно невзрачной оболочке; и до сих пор ни один мужчина не заглянул под эту оболочку, чтобы увидеть женщину во всём её совершенстве. Она могла бы превратить землю в рай для слепого возлюбленного, который, не видя ни некрасивого лица, ни крупной фигуры, подошёл бы ближе и постиг всю удивительную прелесть её женственности: богатство нежности, на какое она была способна, благословенный покой под защитой её любви, совершенное понимание её сочувствия, несказанную радость завоевать её и назвать своей женой.

Но пока слепой человек с далеко видящим взором ей не встретился. Казалось, её неизменной долей оставалось второе место там, где на первом она была бы бесконечно совершенна. Она бывала подружкой невест на свадьбах, где очаровательные новобрачные, при всей своей внешней прелесть, обладали лишь немногими из качеств жены, которыми она была так щедро наделена. Она становилась крёстной матерью детей своих подруг — она, чьё собственное материнство внушало бы изумление и благоговение. У неё был великолепный голос, но лицо не соответствовало голосу, и о его существовании редко догадывались; зато аккомпанировала она безупречно, и обыкновенно её приглашали играть, пока пели другие.

Одним словом, всю свою жизнь Джейн занимала вторые места и занимала их вполне довольная своей участью. Она никогда не знала, что значит быть для кого-нибудь безусловно первой.

Мать умерла, когда Джейн была ещё младенцем, и у неё не осталось даже самого смутного воспоминания о материнской любви и нежности, которые она порой пыталась вообразить, никогда их не испытыв.

Горничная её матери, верная и преданная женщина, уволенная вскоре после смерти хозяйки, лет двенадцать спустя случайно оказалась поблизости и зашла в усадьбу в надежде найти кого-нибудь из слуг, кто её помнил. После чая, воспользовавшись отсутствием фрейлейн и мисс Джебб, её тайком провели наверх, в классную комнату, повидаться с мисс Джейн. Сердце её было полно воспоминаний о «милом младенчике», которого они с дорогой барыней окружали такой любовью и заботой.

Её ждала высокая некрасивая девочка с открытыми, мальчишескими манерами и несколько смущающей привычкой, как потом выразилась гостья, «разглядывать человека, пока тот разговаривает». Это поначалу остановило поток воспоминаний доброй Сары, столь свободно лившийся вниз, в комнате экономки. Она лишь со слезами оглядывала комнату и говорила, что помнит, как выбирала эти самые обои с покойной дорогой барыней и как та радовалась, когда младенец впервые обратил на них внимание и потянулся ручками к розам.

— И я могу вам показать, мисс, если хотите знать, к какому именно букету.

Но прежде чем Сара ушла, Джейн услышала многое, о чём никогда и не мечтала; в том числе узнала, что мать целовала её маленькие ручки.

— Ах, сколько раз, мисс! Называла их лепесточками розы и всё целовала, целовала.

Девочка, совершенно непривычная к проявлениям ласки, посмотрела на свои довольно нескладные загорелые руки и засмеялась — просто потому, что ей стало стыдно непривычного спазма в горле и странного жжения слёз под веками.

И Сара ушла с убеждением, что мисс Джейн выросла довольно бессердечной барышней.

Но ни фрейлейн, ни Джебби так и не узнали, почему с того дня руки, на которые они столь часто имели повод жаловаться, содержались в безукоризненной чистоте. А в ночь после своего дня рождения одинокая девочка, не стыдясь никого в тихой темноте, целовала под одеялом собственные руки, стараясь таким образом прикоснуться к нежности губ умершей матери.

Впоследствии, когда она стала сама себе хозяйкой, одним из первых её поступков было разыскать через объявление Сару Мэтьюз и взять к себе горничной, назначив жалованье, которое со временем позволило доброй женщине обеспечить себе достаточную пожизненную ренту.

Отца Джейн видела редко. Он с трудом мог простить ей, во-первых, то, что она родилась девочкой, когда ему хотелось сына; во-вторых, раз уж она была девочкой, то, что унаследовала его некрасивость вместо материнской красоты. Родители склонны не видеть несправедливости в том, что нередко сердятся на своих детей за черты характера и внешности, которыми сами их наделили.

Героем детства Джейн, товарищем её девичества и близким другом зрелых лет был Дерек Бранд, единственный сын приходского священника, старше её почти на десять лет. Но даже

в этой дружбе, сколь бы тесной она ни была, Джейн никогда не чувствовала себя для него первой. Когда он, студент-медик, приезжал домой на каникулы, мать и будущая профессия занимали в его мыслях больше места, чем одинокая девочка, чья преданность ему льстила, а сильный характер и самобытное развитие ума вызывали интерес. Позже он женился на прелестной девушке, настолько непохожей на Джейн, насколько вообще одна женщина может быть непохожа на другую; однако их дружба сохранилась и стала глубже. И теперь, когда он стремительно выдвигался в первые ряды своей профессии, её понимание его труда, её сочувственное внимание к его целям и усилиям значили для него больше, чем даже особый знак королевской милости, которого он недавно удостоился.

Среди женщин своего круга у Джейн Чемпион не было близких подруг. Одинокое девичество воспитало в ней совершенную прямоthu по отношению и к себе, и к другим; поэтому ей трудно было понимать или терпеть мелкую светскую неискренность и ничтожные слабости собственного пола. Женщины, которым она оказала особую доброту, — а их было немало, — в её присутствии держались с благодарным восхищением; в её отсутствие, если разговор заходил о ней, хранили трусливое молчание.

Зато друзей-мужчин у неё было много, особенно среди молодых людей, только что окончивших университет, с которыми она охотно сходилась. Славные юноши писали ей о своих университетских и офицерских проделках так, как никогда не решились бы писать собственным матерям. Она прекрасно знала, что между собой они зовут её «старушкой Джейн», «красоткой Джейн» и «милой Джейн», но верила в безобидность их шуток и искренность их привязанности и щедро платила им своей.

В ту пору Джейн Чемпион как раз гостила в Овердене в один из своих долгих приездов. В тот летний день, когда герцогиня отправилась срезать цветы в розовом саду, Джейн играла в гольф с юношей, которому давно уже собиралась устроить головомойку.

Только, как выяснила Джейн, непросто чинно подвести разговор к выговору, если сам увлечён гольфом и отправился играть с человеком, столь же увлечённым: по дороге на поле он во всех подробностях объясняет, как прошёл каждую лунку в прошлый раз, а на обратном пути с упоением вспоминает, как вы оба сыграли у каждой лунки на этот раз. Поэтому с воспитательной точки зрения Джейн сочла свой день неудачным.

Но вечером, в курительной комнате, молодой Кэткарт ещё раз рассказал всю игру нескольким избранным приятелям, а потом заметил:

— Старушка Джейн была великолепна! Подумайте только: такой удар, и седьмую лунку пройти за три — и ни слова об этом! Я твёрдо решил больше не посылать Ту-Ту букетов. Чёрт возьми, ребята! Ну как представить себя на ужине с шампанским у танцовщицы, если в такой день прошёл всё поле с достопочтенной Джейн? Бьёт — словно из ружья, а когда посылает мяч навесом, кажется, будто летит ласточка. Выиграла у меня три лунки — и даже не упомянула. Ей-богу, хочется, чтобы за тобой всё было чисто, когдажимаешь ей руку!

Глава III. Сюрприз

Солнечные часы показывали половину пятого. Час молчания, по-видимому, закончился. Птицы защелкали; в соседнем лесу время от времени подавала голос кукушка. Дом внезапно ожил. Послышалось хлопанье дверей. Два лакея в шелковично-красных с серебром ливреях

Мелдрумов поспешили вниз с террасы, неся складные чайные столики в дополнение к грубоватым дубовым столам, постоянно стоявшим под кедром. Один тотчас вернулся в дом; другой остался расстилать по столам белоснежные скатерти.

Ара проснулся, расправил крылья, дважды взмахнул ими и принялся ходить боком по жердочке туда и обратно, не спуская глаз с лакея.

— Осторожнее! — вдруг воскликнул он голосом дворецкого, когда слишком поспешно брошенная скатерть слетела на траву.

— Заткнись! — раздражённо сказал молодой лакей, хлестнув птицу скатертью и украдкой покосившись на розовый сад.

— Томми хочет крыжовнику! — завопил ара, увернувшись от скатерти и повиснув на жердочке вниз головой.

— Держи карман шире! — злобно ответил лакей.

— Кто-нибудь, дайте ему, — заметил Томми голосом герцогини.

Лакей вздрогнул и оглянулся через плечо; затем торопливо сообщил Томми всё, что о нём думает и куда желает его отправить, крепко дал ему по уху и вернулся в дом. Вслед ему неслись раскаты смеха, перемежавшиеся увещеваниями и проклятиями разгневанной птицы, которая плясала на жердочке, пока враг не исчез из виду.

Через несколько минут на столах появилось всё разнообразие снеди, какое считается необходимым для английского послеобеденного чая. На буфетном столе, за которым распорядился старый дворецкий, сияли тяжёлый серебряный чайный водогрей и чайники. Булочки, лепёшки, кексы и всевозможные сэндвичи дополняли изящные рулетики из тонких ломтиков белого и тёмного хлеба с маслом; чаши, доверху наполненные свежесобранной клубникой, вносили яркую краску в это искусное сочетание белого и серебра.

Когда всё было готово, дворецкий поднял руку и ударил в старинный китайский гонг, висевший на кедре. Ещё не замер его пронзительный гул, как со всех концов парка послышались голоса. От реки, с теннисных кортов, из дома и сада сходились гости герцогини, радуясь скорому освежающему чаю и спеша в благодатную тень кедра: очаровательные женщины в белом, заботливо оберегавшие цвет лица под широкими шляпами и живописными зонтиками; прелестные девушки, давно уже пожертвовавшие цветом лица ради удобства, теперь шли по лужайке с непокрытыми головами, помахивая ракетками и обсуждая последний упорный сет; загорелые, красивые мужчины в лёгких фланелевых костюмах присоединялись к разговорам и смеху, хваля своих партнёров и тактично умалчивая о собственных достижениях.

Собравшись под деревом, они составляли живописную группу; с огромным удовольствием опускались в низкие плетёные кресла или на мягкую траву и угощались чем кому хотелось. Когда всем подали чай, кофе или прохладительные напитки по вкусу, разговор снова потёк свободно.

— Итак, концерт герцогини состоится сегодня вечером, — заметил кто-то. — Право, лучше бы они развесили на этом дереве китайские фонарики и устроили его здесь. Слишком жарко для многолюдного собрания в помещении.

— Об этом можете не беспокоиться, — сказал Гарт Далмейн. — Я ведь распорядитель, и обещаю вам, что все высокие окна, выходящие на террасу, будут настежь открыты. Кто предпочитает остаться снаружи, тому незачем входить в зал. На террасе у окон поставят ряд удобных кресел. Видеть будете не слишком много, зато слышать — превосходно.

— Но половина удовольствия как раз в том, чтобы видеть! — воскликнула одна из теннисисток. — Те, кто останется на террасе, потом ничего не поймут, когда милая герцогиня будет показывать нам, как все выступали. Пусть будет хоть какая жара. Оставьте мне место в первом ряду!

— Кто у нас сегодня сюрприз? — спросила леди Инглби, приехавшая после завтрака.

— Вельма, — ответила Мэри Стратерн. — Она приезжает на конец недели; как чудесно будет погостить с нею вместе! Только герцогиня могла это устроить, и только Оверден мог её соблазнить. На концерте она споёт всего одну песню, но потом наверняка не выдержит и споёт нам ещё немало. Мы уговорим Джейн как бы случайно подойти к роялю и как бы невзначай сыграть первые такты каких-нибудь лучших вещей Вельмы — и скоро услышим волшебный голос. Перед безупречным аккомпанементом она никогда не может устоять.

— Почему вы называете мадам Вельму «сюрпризом»? — спросила девушка, впервые попавшая на одно из «лучших сборищ» Овердена.

— Это, дорогая моя, маленькая шутка герцогини, — ответила леди Инглби. — Концерт устраивается для развлечения её гостей, а также для удовольствия и прославления местных знаменитостей. Приглашают всю округу. Никого из вас выступать не просят, зато местных знаменитостей — пожалуйста. Собственно, они и составляют всю программу, к собственному восторгу, к удовлетворению родных и друзей и нам на забаву — особенно потом, когда герцогиня ещё раз проводит нас по всем номерам, снабжая их собственными примечаниями, отзывами и подражаниями. О, Дал! Помните, как она заправила себе за ворот чайного платья лист белой писчей бумаги вместо священнического воротничка и изображала викария Высокой церкви, который так нервно пел шуточную песенку? А в самом конце — и надо сказать, кое-что у них действительно неплохо для любителей — она выпускает Вельму или другую столь же совершенную артистку, чтобы показать, как это делается по-настоящему. И вдруг всё наполняется музыкой, на слушателей нисходит глубокая тишина, а бедные самодовольные любители понимают, что шум, который они производили, всё-таки не был музыкой, — и безмолвно расходятся по домам. Но к следующему году они обо всём забывают; или в брешь выступает новый отряд желающих. Маленькая шутка герцогини удаётся всегда.

— Достопочтенная Джейн её не одобряет, — сказал молодой Рональд Инграм, — поэтому обычно получает приказ выступать в поход и ещё до концерта отправляется в следующие гости. Но никто не аккомпанирует мадам Вельме так превосходно, и на этот раз ей велено остаться. Впрочем, сомневаюсь, чтобы сюрприз произвёл такой же ошеломляющий эффект, как обыкновенно, а уж веселья после концерта наверняка будет меньше. Случалось, достопочтенная Джейн набрасывалась на герцогиню за такие вещи. В самом споре ей, конечно, достаётся, но впоследствии это действует сдерживающе.

— По-моему, мисс Чемпион совершенно права, — смело сказала американская девушка с живым лицом, на мгновение задержав золотую ложечку над клубничным мороженым, которое принёс ей Гарт Далмейн. — В моей стране смеяться над людьми, которые были нашими гостями и выступали у нас в доме, сочли бы настоящей подлостью.

— В вашей стране, дорогая моя, нет герцогинь, — сказала Майра Инглби.

— Зато мы поставляем вам их в изрядном количестве, — спокойно ответила американка и снова принялась за мороженое.

Все засмеялись, и разговор перешёл на последний англо-американский брак.

— А где достопочтенная Джейн? — спросил вскоре кто-то.

— Играет в гольф с Билли, — ответил Рональд Инграм. — А вот и они.

На террасе показалась высокая фигура Джейн; рядом шёл Билли Кэткорт, оживлённо что-то рассказывая. Они убрали клюшки в нижнем холле, а затем вместе спустились по лужайке к чайным столам.

На Джейн был строгий костюм из серого твида — жакет и юбка, бело-голубая батистовая блузка, крахмальные полотняные воротничок и манжеты, шёлковый галстук и мягкая фетровая шляпа с несколькими чёрными перьями. Она двигалась свободно и широко — так ходят люди очень сильные и в совершенстве владеющие своим телом. Обликом она разительно отличалась от всех хорошеньких, изящных женщин, собравшихся под кедром. И всё же в ней не было ничего мужского — или, точнее, мужеподобного: ведь всякая сила имеет мужское начало, но мужеподобна женщина, которая подражает внешним признакам силы, ею самой не обладая. Напротив, Джейн была настолько истинно женственна, что могла позволить себе строгую простоту одежды, превосходно подходившую к явной некрасивости её черт и почти монументальным пропорциям фигуры.

Она вошла в круг под кедром и заняла одно из полудюжины мест, тотчас уступленных мужчинами, с тем полным отсутствием смущения, какое всегда было ей свойственно.

— В чём вы прошли круг, мисс Чемпион? — спросил один из мужчин.

— В своей обычной одежде, — ответила Джейн, цитируя «Панч» и уклоняясь от вопроса.

Но Билли тут же выпалил:

— Она прошла круг в...

— Ох, помолчи, Билли, — перебила Джейн. — Мы с тобой, пожалуй, единственные помешанные на гольфе во всём обществе. Большинство этих милых людей даже не знает, кто такой «богги» и почему мы так гордимся победой над ним. Где моя тётушка? Когда мы вошли убрать клюшки, бедный Симмонс семенил повсюду, разыскивая её с телеграммой.

— Почему вы её не открыли? — спросила Майра.

— Потому что тётушка никогда не позволяет открывать свои телеграммы. Она обожает потрясения, а в телеграмме всегда может оказаться ошеломляющая новость. Она говорит, что всё удовольствие пропадает, если кто-нибудь узнает раньше неё, а потом начинает осторожно её подготавливать.

— Вот и герцогиня, — сказал Гарт Далмейн, сидевший так, что ему была видна маленькая калитка розового сада.

— Не упоминайте о телеграмме, — предупредила Джейн. — Ей не понравится даже то, что я знаю о её приходе. Жаль было бы лишить хоть части прелести неожиданную радость — телеграмму в такой жаркий день, когда ничто необычное, казалось, уже не могло произойти.

Они обернулись и посмотрели на герцогиню, спешившую через лужайку: на эту причудливую старушечью фигурку, которая собрала их всех вместе, которой принадлежало прекрасное имение, где они проводили столь приятные дни, и чьи странные причуды они так свободно обсуждали, попивая её чай и лакомясь её клубникой.

Мужчины поднялись при её приближении, хотя и не столь порывисто, как при появлении её племянницы. Герцогиня несла большую деревянную корзину, переполненную изумительными розами. Каждый цветок был безупречен, и каждый срезан именно в ту минуту, когда следовало.

Глава IV. Джейн вызывается петь

Герцогиня с размаху поставила корзину посреди стола с клубникой.

— Вот, добрые люди! — сказала она, слегка запыхавшись. — Разбирайте, и чтобы вечером я видела розы на каждом из вас. А концертный зал мы превратим в розовую беседку. Назовём это «La fête des roses» — «Праздник роз»... Нет, благодарю вас, Ронни. Этот чай заварен самое меньшее полчаса назад; вы должны любить меня слишком сильно, чтобы навязывать мне такую гадость. К тому же я никогда не пью чая. Проснувшись после дневного сна, я выпиваю виски с содовой, и этого мне хватает до обеда. Да-да, милая Майра, я знаю: я была на вашем интересном собрании и подписала это превосходное обязательство воздерживаться от спиртного — «pour encourager les autres», для поощрения остальных; но от вас я поехала прямо к своему врачу, и он выдал мне свидетельство, что я обязана выпить чего-нибудь, когда почувствую в этом потребность; а потребность я всегда чувствую, проснувшись после дневного сна... Право, Дал, мужчине просто непозволительно выглядеть вне сцены так живописно, как вы в этой светло-лиловой рубашке, тёмно-лиловом галстуке и белом фланелевом костюме. Будь я вашей бабушкой, я бы велела вам идти переодеваться. Если вы кружите голову таким старым вдовам, как я, что же остаётся всем этим цыплятам?.. Тише, Томми! Это было очень дурное слово! И незачем ревновать к Далу. Вами я восхищаюсь ещё больше. Дал, вы напишете моего алого ара?

Молодой художник, чьи портреты на выставке Королевской академии в этом году вызвали большой интерес в мире искусства и чья лиловая рубашка только что подверглась столь суровому осуждению, откинулся в кресле, заложив руки за голову; в его ясных карих глазах искрилась усмешка.

— Нет, дорогая герцогиня, — сказал он. — Позвольте почтительно отказаться от этого заказа. Чтобы вполне передать позы и выражение Томми, понадобился бы Ландсир. К тому же невинному, хорошо воспитанному юноше, каким вы меня знаете, было бы пагубно проводить долгие часы в обществе Томми и слушать замечания этой милой птицы, пока я её пишу. Но вот что я сделаю: напишу вас, дорогая герцогиня, — только не в этой шляпке! С самого раннего детства от соломенной шляпы с чёрными лентами, завязанными под подбородком, мне становится дурно. Если бы я сейчас поддался естественному порыву, я спрятал бы лицо на коленях у мисс Чемпион и брыкался бы и кричал, пока вы её не снимете. Я напишу вас в том чёрном бархатном платье, которое было на вас вчера вечером, с воротником Медичи, и с этой чудесной затеей из кружев и бриллиантов на голове. А в руке у вас будет старинное зеркало из хрустального стекла в серебряной оправе.

Художник полуприкрыл глаза. Пока он описывал свою картину голосом, полным музыки и тайны, весёлое общество вокруг него затихло, внимательно слушая. Когда Гарт Далмейн описывал свои картины, люди видели их. Придя в следующем году на выставку Академии или в Новую галерею, они говорили:

— Ах, вот она! Именно такой мы видели её в тот день, когда на холсте ещё не было ни одного мазка.

— Зеркало вы будете держать в левой руке, но смотреться в него не станете: ведь вы никогда не смотрите в зеркала, дорогая герцогиня, разве только чтобы проверить, плачет ли от вашего выговора горничная, стоящая у вас за спиной, и не потому ли она так неловко орудует шпильками и прочими принадлежностями. Если плачет, вы тут же обещаете отпустить её на денёк навестить старую мать и оплатить дорогу туда и обратно. Если нет — браните ещё немного. Будь я горничной, я плакал бы всегда, большими слезами, которые наверняка были бы видны в зеркале; только не шмыгал бы носом — это ужасно раздражает — и изо всех сил следил бы, чтобы слёзы не капали вам за ворот.

— Дал, вы несносный ребёнок! — сказала герцогиня. — Перестаньте говорить о моих горничных, о моей шее и о ваших крокодиловых слезах и закончите описание портрета. Что я делаю с зеркалом?

— Не смотрите в него, — задумчиво продолжал Гарт Далмейн, — потому что мы знаем: этого вы никогда не делаете. Даже когда надеваете ту шляпку и завязываете её ленты — мисс Чемпион, подержите меня, пожалуйста, за руку — бантом под подбородком, вы не советуетесь с зеркалом. Но сидеть вы будете с ним в левой руке, опираясь локтем на восточный столик чёрного дерева с перламутровой инкрустацией. Вы повернёте зеркало от себя так, чтобы в нём отражалось нечто, находящееся прямо перед вами, на воображаемом переднем плане. На этот невидимый предмет вы будете смотреть с выражением возвышенной нежности. А в зеркале я напишу яркое, блестящее, полное отражение вашего алого ара на жердочке — крошечное, но совершенное во всех подробностях. Назовём картину «Отражения»: ведь картинам непременно надо давать какое-нибудь глупое современное название, а сейчас в моде одно неопределённое слово — если, конечно, вы не считаете необходимым привлечь к себе взгляд публики в каталоге, назвав картину двадцатью строками Теннисона. Но когда портрет станет знаменит и перейдёт к потомству, в каталоге Национальной галереи он будет значиться как «Герцогиня, зеркало и ара».

— Браво! — восхищённо сказала герцогиня. — Вы напишете его, Дал, к следующей выставке Академии, и мы все пойдём смотреть.

И он написал. И они все пошли. И, увидев его, сказали:

— Ах, конечно! Вот он — именно таким мы видели его под кедром в Овердене.

— А вот Симмонс несёт что-то на подносе, — воскликнула герцогиня. — Как этот человек переваливается! Неужели никто не может научить его ходить пошире? Джейн! Ты шагаешь по лужайке, как гренадер. Не можешь объяснить Симмонсу, как это делается?.. Ну? Что там? Ага! Телеграмма. Какой же ужас мог случиться? Кто хочет угадать? Надеюсь, это не просто какой-нибудь идиот, опоздавший на поезд.

Среди затаившего дыхание общества, в тишине, вполне её удовлетворявшей, герцогиня разорвала оранжевый конверт.

Потрясение, судя по всему, оказалось основательным, хотя и не приятным: герцогиня, и без того всегда румяная, по мере чтения багровела и от негодования совершенно лишилась речи. Джейн тихо встала, заглянула через плечо тётушки, прочла длинное послание и вернулась на своё место.

— Несносная особа! — выговорила наконец герцогиня. — Ох, несносная особа! Вот что выходит, когда приглашаешь их по-дружески. А я приготовила для неё прекрасную нитку жемчуга, которая стоит куда дороже того гонорара, какой предложили бы ей за одну песню. И подвести меня в последнюю минуту! Ох, несносная особа!

— Дорогая тётушка, — сказала Джейн, — если у бедной мадам Вельмы внезапный приступ ларингита, она не смогла бы спеть ни ноты, даже по приказу королевы. Она очень сожалеет — это видно из телеграммы.

— Не спорь, Джейн! — сердито воскликнула герцогиня. — И не приплетай королеву, которая не имеет никакого отношения ни к моему концерту, ни к горлу Вельмы. Терпеть не могу, когда говорят не по существу, и ты это знаешь! Зачем ей понадобилось заболеть этим своим как-его-там именно тогда, когда она собиралась петь у меня? В моей молодости у людей не было всех этих новомодных недугов. Никакого терпения не хватает на эти аппендициты и прочее: людей режут по любому поводу. В моей молодости это называли старой доброй болью в животе и давали турецкий ремень!

Майра Инглби спрятала лицо за своей садовой шляпой; Гарт Далмейн шепнул Джейн:

— Терпеть не могу, когда говорят не по существу, и ты это знаешь!

Но Джейн покачала головой и отказалась улыбнуться.

— Томми хочет крыжовнику! — закричал ара, по-видимому обративший внимание на упоминание ревеня.

— Ну дайте же ему кто-нибудь! — сказала расстроенная герцогиня.

— Дорогая тётушка, крыжовника нет, — сказала Джейн.

— Не спорь, девочка! — яростно воскликнула герцогиня; Гарт, в восторге, покачал головой в сторону Джейн. — Когда он говорит «крыжовник», он имеет в виду что угодно зелёное, и ты это прекрасно знаешь!

Полдюжины человек поспешили к Томми с салатом, крессом и сэндвичами с огурцом. Гарт сорвал одну травинку и с озабоченной заботливостью протянул её Джейн, но она оставила это без внимания.

— Ответа не будет, Симмонс, — сказала герцогиня. — Почему вы не уходите?.. Ох, как этот человек переваливается! Научите его кто-нибудь ходить! А теперь вопрос: что делать? По моему приглашению половина графства едет слушать Вельму, а Вельма сидит в Лондоне и притворяется, будто у неё аппендицит — нет, я хотела сказать, эта другая болезнь. Ох, «чтоб её побрало!», как выразилась бы эта умная птица.

— Заткнись! — крикнул Томми.

Герцогиня улыбнулась и согласилась сесть.

— Но, дорогая герцогиня, — заметил Гарт самым успокоительным голосом, — графство не знает, что мадам Вельма должна была приехать. Это был глубочайший секрет. Вы собирались выпустить её в самом конце. Леди Инглби назвала её вашим «сюрпризом».

Майра показала из-за садовой шляпы, и герцогиня одобрительно ей кивнула.

— Совершенно верно, — сказала она. — В этом-то и была вся прелесть. Ох, несносная особа!

— Но, дорогая герцогиня, — убеждающе продолжал Гарт, — если графство ничего не знало, графство не будет разочаровано. Они едут послушать друг друга, послушать самих себя и отведать вашего винного пунша и мороженого. Всё это они получают и уедут в восторге, говоря, как искусно милая герцогиня открывает и поощряет местные таланты.

— Ага! — сказала герцогиня; в её ястребином глазу блеснул огонёк, а крючковатый нос, который миссис Паркер Бэнгс из Чикаго, раза два встречавшая герцогиню, назвала «подлинным Плантагенетом», поднялся выше. — Но они уедут, довольные собой и своими посредственными выступлениями. А моя мысль — дать им выступить, а потом показать, как это следует делать.

— Но, тётушка Джина, — мягко сказала Джейн, — вы, кажется, забываете, что большинство этих людей бывали в Лондоне и слышали немало хорошей музыки — вероятно, и саму мадам Вельму, и всех великих певцов. Они знают, что не умеют петь, как примадонна; но, волнуясь, стараются изо всех сил, потому что вы их попросили. Не вижу, зачем им ещё наглядный урок.

— Джейн, — сказала герцогиня, — в третий раз за этот день я вынуждена просить тебя не спорить.

— Мисс Чемпион, — сказал Гарт Далмейн, — будь я вашей бабушкой, я отправил бы вас в постель.

— Что делать? — повторила герцогиня. — Она должна была петь «Розарий». Я так этого хотела. Всё убранство зала задумано под эту песню: гирлянды белых роз и большой красный крест за эстрадой, целиком из алых плетистых роз. Джейн!

— Да, тётушка.

— Ох, не говори «да, тётушка» таким бессмысленным тоном! Неужели ты ничего не можешь предложить?

— Чтоб её побрало! — вдруг воскликнул Томми.

— Вы только послушайте эту милую птицу! — сказала герцогиня, совершенно вернув себе хорошее расположение духа. — Дайте ему кто-нибудь клубнику. Ну, Джейн, что ты предлагаешь?

Джейн Чемпион сидела, вполоборота к тётушке своей широкой спиной; закинув ногу на ногу, она обхватила колено большими, умелыми руками. Теперь она разняла руки, медленно повернулась и посмотрела в зоркие глаза, выглядывавшие из-под шляпки-грибка. Прочитав в них требование, наполовину обиженное, наполовину умоляющее, она медленно улыбнулась одними глазами. Джейн выждала мгновение, чтобы убедиться в намерении герцогини, и тихо сказала:

— Если вы действительно этого хотите, тётушка, я спою вам сегодня вечером «Розарий» вместо Вельмы.

Если бы под деревом собралось «сборище просто людей», оно ахнуло бы. Если бы это было «сборище чудиков», оно громогласно выразило бы своё удивление. Но поскольку здесь находилось «лучшее сборище», внешне никто ничего не выказал; и всё же в воздухе повисло немое изумление, существовавшее исключительно в мыслях. Из всех присутствующих лишь сама герцогиня слышала, как поёт Джейн Чемпион.

— Ноты у тебя есть? — спросила её светлость Мелдрум, поднимаясь и забирая телеграмму и пустую корзину.

— Есть, — сказала Джейн. — Когда я была в Лондоне в прошлом месяце, я провела несколько часов с мадам Бланш; и она, так редко восхищающаяся современными песнями, была ею необыкновенно увлечена. Она пела и позволила мне аккомпанировать. Мы занимались ею почти час. Потом я купила ноты.

— Хорошо, — сказала герцогиня. — Значит, я на тебя рассчитываю. А теперь надо послать сочувственную телеграмму бедной милой Вельме, которая наверняка огорчается, что вынуждена нас подвести. Итак, au revoir, добрые люди. Помните: обедаем ровно в восемь. Музыка предполагается с девяти. Ронни, будьте добрым мальчиком, перенесите для меня Томми в холл. Он будет ужасно кричать, если увидит, что я уйду без него. Он такой любящий, милая птица!

Под кедром воцарилось молчание.

Большинство смотрело на юного Рональда, который нёс подставку, стараясь держать её как можно дальше от себя. Томми же, чудесным образом сохраняя равновесие, боком придвигался к нему всё ближе и, по-видимому, сообщал что-то доверительное прямо в испуганное ухо Ронни. Герцогиня шла впереди, вполне довольная новым оборотом событий.

Один-два человека смотрели на Джейн.

— С вашей стороны это очень смело, — сказала наконец Майра Инглби. — Я предложила бы вам аккомпанировать, дорогая, но умею играть только «При свете луны» и «Трёх слепых мышат», да и то одним пальцем.

— И я предложил бы вам аккомпанировать, дорогая, — сказал Гарт Далмейн, — если бы вы собирались петь «День поминовения» Лассена: его я играю весьма прекрасно всеми десятью пальцами! Одно только то, как я на протяжении всей песни подчёркиваю звон колокола кладбищенской часовни, уже поучительно. Бедняжке с букетиком лилового вереска от него никуда не деться. Даже в великом *crescendo*, *appassionata*, *fortissimo*, когда выясняется, что «в тёмной долине смерти ныне праздник», я не устраиваю им праздника отдыха от колокола. Не знаю, что он делал «однажды в мае». В моём аккомпанементе он звонит всё время, с доводящим до безумия упорством. Но я видел ноты «Розария» и не смею подступить к этим аккордам. Начинаешь со всех известных бемолей, а не успеешь уйти далеко — уже набрал целые пригоршни известных и неизвестных дизезов; цепляешься за них, не смея отпустить, — вдруг через мгновение понадобятся снова. Увы, нет! Когда речь идёт об аккомпанементе к «Розарию», я должен сказать то же, что сказал герцогине старый фермер на недавнем обеде для арендаторов, когда она навязывала ему третью порцию пудинга: «Сударыня, я не могу!»

— Не говорите глупостей, Дал, — сказала Джейн. — Вы прекрасно сыграли бы аккомпанемент к «Розарию», если бы мне это понадобилось. Но я предпочитаю аккомпанировать себе сама.

— Ах, — сочувственно сказала леди Инглби, — я вас вполне понимаю. Какое облегчение — всё время знать, что, если что-нибудь пойдёт не так, можно остановить другую партию и взять себе нужную ноту.

Единственные два настоящих музыканта из всего общества переглянулись; между ними промелькнула искра веселья.

— При необходимости это, несомненно, было бы полезно, — сказала Джейн.

— Я тоже «остановил бы другую партию» и «взял вам нужную ноту», — скромно сказал Гарт.

— Уверена, что так, — сказала Джейн. — Вы всегда очень добры. Но я предпочитаю держать дело в собственных руках.

— Вы понимаете, как трудно будет донести голос до слушателей в таком большом помещении, если не стоять лицом к залу?

Гарт Далмейн говорил с тревогой. Джейн была его близким другом, и ему, как всякому мужчине, была неприятна мысль, что его товарищ может в чём-нибудь потерпеть неудачу на глазах у публики.

В глазах Джейн зародилась та же спокойная улыбка и перешла на губы — так же, как в ту минуту, когда она поняла, что тётушка ждёт от неё предложения заменить Вельму. Джейн оглянулась. Большая часть общества уже разбрелась по двое и по трое: одни — в дом, другие — обратно к реке. Она, Дал и Майра остались почти одни. В спокойных глазах Джейн таилось тихое веселье; прямо встретив тревожный взгляд Гарта, она ответила:

— Да, я знаю. Но акустика в зале превосходная, а посылать голос я научилась. Возможно, вам неизвестно — впрочем, откуда бы вам знать? — но мне выпала огромная честь учиться у мадам Маркези в Париже, а потом поддерживать достигнутое, время от времени проводя восхитительный час у её не менее одарённой дочери в Лондоне. Так что мне полагалось бы знать о владении голосом всё, что только можно знать, если я сумела хоть сколько-нибудь достойно воспользоваться этими драгоценными возможностями.

Для Майры эти спокойные слова были китайской грамотой: они сообщили ей не больше, чем если бы Джейн сказала: «Я училась петь по системе тоника соль-фа». В сущности, даже меньше, поскольку леди Инглби сама однажды пыталась освоить эту систему, чтобы обучать своих слуг многоголосному пению.

Это было в ту пору, когда у неё подобрался явно музыкальный штат. У второго лакея был прекрасный баритон. Дворецкий умел «немножко басить», то есть, пока остальные партии взмывали в высшие сферы, мог оставаться на нижней ноте, если его заботливо на неё поставить и велеть никуда не двигаться. Старшая горничная пела то, что называла «вторым голосом»: иначе говоря, следовала за высокими голосами, слегка отставая от них по времени и держась большой терцией ниже по высоте. Экономка, крупная темноволосая особа с бахромой на верхней губе, которую она не брила и которой не стыдилась, производила поистине замечательное впечатление, исполняя мелодию на октаву ниже высоких голосов.

К несчастью, леди Инглби нередко путала её с дворецким. Сама Майра первая признавала, что у неё «не особенно хороший слух»; но было положительно досадно в ту минуту, когда она не смела оторвать глаз от аккомпанемента к «Доброму королю Вацлаву», крикнуть: «Оставайтесь на месте, Дженкинс!» — и обнаружить, что вверх двигалась миссис Джарвис.

Но когда у нового лакея, нанятого лордом Инглби без всякого учёта музыкальных дарований, оказался прекрасный горловой тенор, Майра почувствовала, что теперь у неё действительно есть материал для великих свершений, и решила сама изучить систему тоника соль-фа. Она легко усвоила «ми, ре, до» и «соль, фа, фа, ми»: ведь это были начальные строки «Трёх слепых мышат», всегда служивших Майре музыкальным ориентиром. Но когда дело дошло до фугоподобных хитросплетений темы «Все они побежали за женой фермера», леди Инглби, не имея слов, за которые можно было бы ухватиться, совершенно запуталась и в отчаянии оставила систему тоника соль-фа.

Поэтому имя величайшей преподавательницы пения своего времени мало что говорило Майре.

Зато Гарт Далмейн выпрямился в кресле.

— Вот как! Неудивительно, что вы так спокойны. Ведь и сама Вельма была ученицей великой мадам.

— Потому-то я и знаю её довольно хорошо, — сказала Джейн. — Я осталась здесь сегодня, потому что должна была ей аккомпанировать.

— Понятно, — сказал Гарт. — А теперь вам придётся делать и то и другое. «Господи помилуй!» — как говорит миссис Паркер Бэнгс, когда ей объясняют, кто есть кто на садовом приёме в Мальборо-хаусе. Но вы ведь предпочитаете аккомпанировать другим, а не петь сами?

Снова медленно появилась улыбка Джейн.

— Я предпочитаю петь, — сказала она, — но аккомпанемент приносит больше пользы.

— Конечно, — сказал Гарт. — Понемногу петь умеют многие, а правильно аккомпанировать — очень немногие.

— Джейн, — сказала Майра, лениво глядя серыми глазами из-под длинных чёрных ресниц, — если вы брали уроки пения и знаете песни, почему герцогиня до сих пор ни разу не заставила вас спеть нам?

— По печальной причине, — ответила Джейн. — Вы знаете, что её единственный сын умер восемь лет назад? Он был таким красивым, талантливым юношей. Любовь к музыке мы оба унаследовали от деда. В университете мой кузен вошёл в музыкальное общество, увлечённо занимался и хотел сделать музыку своей профессией. Однажды, приехав домой на рождественские каникулы, он обещал спеть на благотворительном концерте в Лондоне и, едва оправившись от гриппа, поехал исполнить обещание. Началось осложнение, двустороннее воспаление лёгких, и через пять дней он умер от сердечной недостаточности. Моя бедная тётушка обезумела от горя; с тех пор всякое упоминание моей любви к музыке вызывает у неё горечь. Я тоже хотела заняться музыкой профессионально, но она решительно воспротивилась. Я почти никогда не осмеливаюсь здесь петь или играть.

— А в других местах почему не поёте? — спросил Гарт Далмейн. — Мы с вами гостили в одних и тех же домах, а я и понятия не имел, что вы поёте.

— Не знаю, — медленно сказала Джейн. — Но... музыка так много для меня значит. Это словно святая святых в храме внутренней жизни. И поднять завесу нелегко.

— Сегодня вечером завеса поднимется, — сказала Майра Инглби.

— Да, — согласилась Джейн, улыбнувшись немного печально, — должно быть, поднимется.

— И мы войдём, — сказал Гарт Далмейн.

Глава V. Откровенный разговор

Тени на лужайке беззвучно удлинялись. Грачи, возвращавшиеся домой, кружили с карканьем вокруг высоких вязов. Солнечные часы показывали шесть.

Майра Инглби поднялась и, стоя лицом к косым солнечным лучам, вытянула руки над головой. Художник отметил каждую изящную линию её гибкой фигуры.

— Ах, — зевнула она, — здесь так хорошо, а мне надо идти к горничной. Джейн, послушайте доброго совета, пока не поздно: никогда не начинайте делать массаж лица. Станете его рабыней, и он будет отнимать у вас целые часы. Посмотрите на меня.

Оба и без того смотрели. На Майру стоило смотреть.

— Чтобы просто переодеться, мне незачем было бы уходить раньше семи, а теперь придётся потерять этот последний чудесный час.

— А что происходит? — спросила Джейн. — Я ничего об этом не знаю.

— Не могу вдаваться в подробности, — ответила леди Инглби, — но вы ведь видели, какой миленькой я выглядела весь день? Так вот: если сейчас не пойду к горничной, к концу обеда буду уже менее миленькой, а к концу вечера стану выглядеть на десять лет старше.

— Вы всегда выглядели бы милой, — сказала Джейн с откровенной искренностью. — И почему надо бояться выглядеть на свои годы?

— Дорогая, «мужчине столько лет, на сколько он себя чувствует, женщине — столько, на сколько она выглядит», — процитировала Майра.

— Я чувствую себя семилетним, — сказал Гарт.

— А выглядите на семнадцать, — засмеялась Майра.

— А мне двадцать семь, — возразил Гарт, — поэтому герцогине не следует называть меня «несносным ребёнком». И, дорогая леди, если сокращение этой таинственной процедуры сделает вас сегодня вечером хоть чуточку менее прекрасной, умоляю, поспешите к горничной, иначе вы испортите мне весь вечер. За обедом я расплачусь, а герцогиня не выносит сцен, как вам прекрасно известно!

Проходя мимо, леди Инглби хлопнула его своей садовой шляпой.

— Помолчите, несносный ребёнок! — сказала она. — Вам незачем было слушать, что я говорила Джейн. Осенью вы напишете мой портрет. А после этого я брошу массаж лица, уеду за границу и вернусь совсем старой.

Последнюю угрозу она бросила через плечо, неторопливо удаляясь по лужайке.

— Как она прекрасна! — заметил Гарт, глядя ей вслед. — Как вы думаете, мисс Чемпион, много ли правды было в её словах?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответила Джейн. — В массаже лица я совершенно не разбираюсь.

— Думаю, немного, — продолжал Гарт, — иначе она не стала бы нам рассказывать.

— Ах, тут вы ошибаетесь, — быстро ответила Джейн. — Майра необыкновенно честна и всегда склонна откровенно говорить о себе и своих слабостях. Её воспитывали довольно странно. Она из большой семьи и всегда считалась паршивой овцой — не столько у братьев и сестёр, сколько у матери. Что бы она собой ни представляла, что бы ни говорила и ни делала — всё было не так. Когда лорд Инглби встретил её и, полагая, разглядел то, что в ней только начинало пробуждаться, она была высокой, нескладной девушкой с прекрасными глазами, нежным, чувствительным ртом и выражением лица, которое словно говорило: «Что же, ради всего святого, мне теперь делать?» Он был на двадцать лет старше, но влюбился в неё самым решительным образом. И хотя мать по очереди навязывала ему всех остальных дочерей, он хотел только Майру — или никого. Когда он сделал ей предложение, поначалу оказалось невозможно объяснить ей, что он имеет в виду. Наконец смысл дошёл до неё, и ждать ответа ему долго не пришлось. Я часто слышала, как он поддразнивал её этим воспоминанием. Она посмотрела на него с очаровательной улыбкой, с глазами, полными слёз, и сказала: «Ну конечно. Я с благодарностью выйду за вас замуж и считаю, что с вашей стороны ужасно мило полюбить меня. Но какой удар для мамы!» Они поженились так скоро, как только было возможно, и он увёз её в Париж, Италию, Египет; провёл с ней полгода за границей и привёз обратно — вот такой! Однажды я гостила у них, и там же была её мать. Мы сидели в утренней гостиной — мужчин не было, только полдюжины женщин, — и мать начала к чему-то придирааться. «Разве лорд Инглби не говорил тебе об этом много раз?» — спросила она. Майра подняла глаза, мягко и лениво, как умеет только она, и ответила: «Дорогая мама, понимаю, что вам это должно казаться странным, но, знаете ли, мой муж считает совершенным всё, что я делаю». — «Твой муж — дурак!» — огрызнулась мать. «С вашей точки зрения, дорогая мама», — кротко сказала Майра.

— Старая брюзга! — заметил Гарт. — Почему таким людям позволяют называться матерями? Нам, у кого были нежные, совершенные матери, хотелось бы установить закон: пусть других называют «родительницами», «прародительницами женского пола» или ещё как-нибудь описательно, но не оскверняют священного имени матери!

Джейн молчала. Она знала прекрасную историю детства Гарта рядом с овдовевшей матерью. Знала, с каким страстным благоговением он хранит память о ней. Он больше всего нравился ей в те минуты, когда удавалось заглянуть под поверхность, и она не хотела останавливать его, напоминая, что сама ни разу даже не пролепетала этого имени.

Гарт встал с кресла и потянулся в косых солнечных лучах, выпрямив стройное тело, почти как недавно Майра. Джейн смотрела на него. Как нередко бывает у некрасивых людей, большая телесная красота сильно её привлекала. Но, оценивая друзей, она отводила этому влечению лишь подобающее место.

Гарт Далмейн отнюдь не стоял первым среди её близких товарищей. Он был старше большинства из них, а в чём-то — моложе любого; его удивительно юные манеры и избыток жизнерадостности порой казались глупостью Джейн, чьё чувство юмора было более степенным. Но безусловное совершенство его внешности сомнений не вызывало, и теперь Джейн смотрела на него так, как могла бы смотреть его собственная мать, — с открытым восхищением в добрых глазах.

Гарт, несмотря на светло-лиловую рубашку и тёмно-лиловый галстук, совершенно не думал о своей наружности; ослеплённый золотым солнечным светом, он не замечал и взгляда Джейн.

— Послушайте, мисс Чемпион! — воскликнул он по-мальчишески. — Как хорошо, что они все ушли в дом! Мне так хотелось с вами поболтать. Право, когда мы собираемся вместе, то иногда несём всякий вздор, лишь бы разговор не заглох. Словно подбрасываем воздушные шарики, и очень часто они лопаются — тогда понимаешь, что после большинства разговоров остаётся только пустая, сморщенная оболочка. Вы когда-нибудь покупали воздушные шарики в Брайтоне? Помните, какое было неистовое волнение, когда по набережной шёл продавец с огромной связкой — голубые, зелёные, красные, белые, жёлтые, все сияют на солнце? И всё думаешь, как он ухитрился собрать их вместе — я и сейчас не знаю! — и что будет, если он их отпустит. Я всегда точно знал, какой хочу, и он обычно оказывался на самой внутренней ниточке: приходилось долго распутывать. А как бесило, если взрослым надоедало ждать и они уходили дальше, унося пенни! Только я уж лучше остался бы совсем без шарика, чем взял бы не тот, к которому прикипел душой. Вы ведь тоже?

— Я никогда не покупала воздушных шариков в Брайтоне, — без воодушевления ответила Джейн.

Гарт снова чувствовал себя семилетним, а Джейн скучала. На этот раз он, кажется, заметил это. Взял пиджак со спинки кресла, куда повесил его, и надел.

— Пойдёмте, мисс Чемпион, — сказал он. — Мне так надоело бездельничать. Спустимся к реке и найдём какую-нибудь лодку. Обед лишь в восемь, а вы, я уверен, успеете одеться за полчаса, даже для роли Вельмы. Я видел, как при необходимости вы управлялись за десять минут. Времени вполне хватит, чтобы я довёз вас до того места, откуда виден собор, и по дороге мы поговорим. Ах, представьте: старый серый собор на фоне этого заката и луг с первоцветами на переднем плане!

Но Джейн не встала.

— Дорогой Дал, — сказала она, — когда вы протащите вверх по реке мои двенадцать с лишним стоунов¹, ни собор, ни закат не вызовут у вас особого восторга. Вы свалитесь без сил среди первоцветов. Пора бы уже знать: я не из тех, кого можно посадить на корму крошечной лодочки и поручить им руль. Если я в лодке, мне хочется грести; а если грести, то я предпочитаю быть загребной. Но сейчас грести не хочу, потому что всё послеобеденное время играла в гольф. И вы прекрасно знаете: вам не доставит никакого удовольствия смотреть на меня всю дорогу вверх и вниз по реке, сознавая, что я мысленно критикую ваш гребок и отмечаю, как небрежно вы разворачиваете лопасти вёсел.

Гарт сел, откинулся в кресле, заложил руки за гладко причёсанную тёмную голову и посмотрел на неё мягкими сияющими глазами — так же, как прежде на герцогиню.

— Какой вы сердитый товарищ, — ласково сказал он. — Что случилось?

Джейн засмеялась и протянула ему руку.

— Ах, милый мальчик! По-моему, у вас самый добрый нрав на свете. Я больше не буду сердиться. Дело в том, что я терпеть не могу концертов герцогини и мне не нравится быть её «сюрпризом».

— Понимаю, — сочувственно сказал Гарт. — Но тогда почему вы вызвались?

— Ах, я должна была, — сказала Джейн. — Бедная милая старушка! Она так редко просит меня о чём-нибудь, а её глаза умоляли. Разве вы не знаете, как хочется сделать что-нибудь для человека, который тебе родной? Я бы чистила ей башмаки, если бы она этого захотела. Но так трудно жить здесь неделю за неделей и чувствовать, что тебя держат на расстоянии. Об одном этом она попросила меня, и её гордые старые глаза молили. Разве я могла отказать?

Гарт весь был сочувствием.

— Нет, дорогая, — задумчиво сказал он, — конечно, не могли. И не тревожьтесь из-за этой глупой шутки с «сюрпризом». Видите ли, вы им не станете. Я не сомневаюсь, что вы поёте гораздо лучше большинства из них, но они этого не поймут. Чтобы такие люди очнулись, нужна Вельма. Они сочтут «Розарий» милой песенкой, слегка похлопают, и на том всё кончится. Так что не беспокойтесь.

Джейн сидела, обдумывая его слова. Потом сказала:

— Дал, я так не люблю петь перед подобной публикой. Словно показываешь им свою душу, а тебе не хочется, чтобы они её видели. Это кажется нескромным. По-моему, ничто в мире не раскрывает человека так, как музыка. Я содрогаюсь при мысли об этой песне, и всё-таки не смею спеть её хуже, чем могу. Когда придёт минута, я буду жить в песне и забуду о слушателях. Расскажу вам об одном уроке у мадам Бланш. Я пела «Индусскую песню» Бемберга — страстную молитву индийской женщины Брахме. Начала: «Brahma! Dieu des croyants!» — «Брахма! Бог верующих!» — и спела так, как могла бы спеть «до, ре, ми». Брахма ничего для меня не значил. «Стойте! — воскликнула мадам Бланш самым властным своим тоном. — Ah, vous Anglais! Ох, эти англичане! Что вы делаете? Brahma, c'est un Dieu! Брахма — это бог! Пусть он не ваш Бог. Пусть он не мой Бог. Но для кого-то он Бог. Он — Бог этой песни. Ecoutez! Слушайте!» И она подняла голову и запела: «Брахма! Бог верующих! Владыка священных городов!» — её прекрасное чело озарилось, а в голосе звучал такой пламенный религиозный пыл, что душа трепетала. Этот урок я не забыла никогда. Могу честно сказать: с тех пор ни одной песни я не спела безучастно.

— Прекрасно! — сказал Гарт Далмейн. — Я люблю увлечённость во всякой области искусства. Мне никогда не хочется писать портрет, если я не обожаю женщину, которую пишу.

Джейн улыбнулась. Разговор поворачивал именно туда, куда она надеялась со временем его направить.

— Милый Дал, — сказала она, — вы обожаете столь многих по очереди, что мы, ваши старые друзья, которым дорого ваше настоящее счастье, боимся: это обожание так ни к чему определённого и не приведёт.

Гарт засмеялся.

— Ну вот ещё! — сказал он. — И вы туда же? И вы тоже думаете, будто обожание и восхищение непременно должны означать брак? От вас я ожидал более здорового, более мужского взгляда.

— Мой дорогой мальчик, — сказала Джейн, — ваши друзья решили, что вам нужна жена. Вы один на свете. У вас прекрасный дом. Вас вот-вот избалуют все эти глупые женщины, которые за вами бегают. Разумеется, мы отлично понимаем: ваша жена должна соединять в своей изысканной особе все несравненные красоты, какие только есть под солнцем. Но всякое новое божество, которое вы видите и пишете, на время, по-видимому, воплощает этот дивный идеал. И, может быть, если вы на одной из них женитесь, вместо того чтобы написать её портрет, она продолжит воплощать его постоянно.

Гарт обдумывал это молча, нахмутив прямые брови. Наконец сказал:

— Красота в такой мере принадлежит поверхности. Я вижу её и восхищаюсь. Желаю её — и пишу. Написав, я делаю её своей и почему-то обнаруживаю, что на этом всё кончилось. Пока я пишу женщину, всё время ищу её душу. Мне хочется выразить её на холсте; и знаете, мисс Чемпион, я нахожу, что у прекрасной женщины не всегда прекрасная душа.

Джейн молчала. Меньше всего ей хотелось обсуждать души других женщин.

— Только одна кажется мне совершенной, — продолжал Гарт. — Осенью я буду её писать. Думаю, её душа окажется столь же прекрасной, как тело.

— И это?.. — спросила Джейн.

— Леди Бранд.

— Флауэр! — воскликнула Джейн. — Вы так увлечены Флауэр?

— Ах, она прекрасна, — сказал Гарт с благоговейным воодушевлением. — Просто непозволительно кому бы то ни было быть столь безупречно прекрасным. Мне от этого больно. Знаете ли вы, мисс Чемпион, это чувство, когда совершенная красота причиняет боль?

— Нет, не знаю, — отрывисто сказала Джейн. — И не думаю, что чужие жёны должны производить на вас такое действие.

— Дорогой мой товарищ! — изумлённо воскликнул Гарт. — Тут совершенно ни при чём, жена она кому-нибудь или нет. Лес, полный синих колокольчиков в утреннем солнечном свете, произвёл бы точно такое же действие. Мне больно от желания написать её. Когда я напишу её и действительно отдам должное этой несравненной красоте, какой я её вижу, всё будет хорошо. Пока я писал её только по памяти; но в октябре она будет мне позировать.

— По памяти? — переспросила Джейн.

— Да, я многое пишу по памяти. Дайте мне только раз определённым образом взглянуть на лицо, увидеть его в ту минуту, когда можно проникнуть под поверхность, — и я сумею написать это лицо по памяти несколько недель спустя. Многие лучшие мои этюды сделаны так. Ах, какое это наслаждение! Красота — поклонение красоте — для меня религия.

— Довольно безбожная религия, — заметила Джейн.

— Ах, нет, — благоговейно сказал Гарт. — Вся истинная красота исходит от Бога и ведёт обратно к Богу. «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов». Однажды я встретил старого чудака, который утверждал, что всякая болезнь происходит от дьявола. Никогда не мог в это поверить: последние годы жизни моя мать была больна, и я могу засвидетельствовать, что её болезнь стала благословением для многих и что она переносила её во славу Божию. Но я убеждён: вся истинная красота дарована Богом. Поэтому поклонение красоте и есть для меня религия. Ничто дурное никогда не было по-настоящему прекрасным; ничто доброе никогда не бывает по-настоящему безобразным.

Джейн улыбалась, глядя на него, откинувшегося в золотом солнечном свете, само воплощение мужской красоты. Его полная беззаботность и по отношению к себе, и по отношению к ней, позволявшая ему так говорить с самой некрасивой из знакомых женщин, заключала в себе забавную сторону, которая развлекала Джейн. Это нравилось ей больше, чем покупка цветных воздушных шаров или крик из-за того, что герцогиня надела шляпку-грибок.

— Значит, некрасивым людям отказано в их доле добра, Дал? — спросила она.

— Некрасивость — не безобразие, — просто ответил Гарт Далмейн. — Я понял это ещё совсем маленьким. Мать повела меня слушать знаменитого проповедника. Пока он сидел на возвышении перед началом проповеди, мне казалось, что более безобразного человека я ещё не видел. Он напоминал нелепую гориллу, и я с ужасом ждал минуты, когда он встанет, повернётся к нам и назовёт текст. Мне казалось, между нами должна быть решётка и что нам захочется бросать ему орехи и апельсины. Но когда он встал и заговорил, лицо его преобразилось. Доброта и вдохновение озарили его, и оно стало подобно лицу ангела. Я больше никогда не считал его безобразным. Красота души просвечивала наружу, преображая тело. Хотя я был ребёнком, уже тогда мог отличить безобразие от некрасивости. Когда он сел, закончив великолепную проповедь, я уже не думал, что передо мной какая-то усложнённая разновидность шимпанзе. Я помнил божественное сияние его улыбки. Разумеется, сами черты лица остались некрасивыми. Это было не то лицо, с которым хотелось бы жить или которое хотелось бы день за днём видеть напротив себя за столом. Но такого испытания от меня и не требовалось — для меня оно стало бы мученичеством. И с тех пор этот человек всегда оставался в моей памяти доказательством того, что доброта никогда не бывает безобразной, а божественная любовь и устремлённость, просвечивающие сквозь самые некрасивые черты, могут на время сделать их прекрасными, а навсегда — дорогими воспоминанию.

— Понимаю, — сказала Джейн. — Должно быть, то, что вы так давно это осознали, нередко помогало вам верно смотреть на вещи. Но вернёмся к важному вопросу о лице, которое вы будете ежедневно видеть напротив себя за столом. Это не может быть лицо леди Бранд, не может быть и лицо Майры; но, знаете ли, Дал, на это место предлагают весьма прелестное лицо.

— Только без имён, пожалуйста, — быстро сказал Гарт. — Я против того, чтобы в подобных разговорах называли имена девушек.

— Хорошо, дорогой мальчик. Я понимаю и уважаю ваше возражение. Вы уже прославили её своим импрессионистским портретом, и, как я слышала, «по осени» намерены написать

более тщательно разработанную картину. Ведь вы знаете, Дал, как сильно ею восхищаетесь. Она красива, она очаровательна, она родом из страны, женщины которой, если обладают обаянием, соединяют его со свежестью и пикантностью, делающими их несравненными. В чём-то вы и сами настолько своеобразны, что вам нужна жена с известной долей оригинальности. Не знаю, насколько мнение друзей может повлиять на вас в подобном деле, но вам, вероятно, будет приятно услышать, как всецело они одобряют вашу совершенно открытую преданность — скажем так — прекрасному «Звёздно-полосатому флагу».

Гарт Далмейн вынул портсигар, тщательно выбрал сигарету и замер, держа её между пальцами, в глубокой задумчивости.

— Курите, — сказала Джейн.

— Спасибо, — ответил Гарт.

Он чиркнул спичкой и очень неторопливо закурил. Когда он бросил спичку, ветерок подхватил её, и она упала на лужайку, ярко горя. Гарт вскочил и погасил её, затем передвинул своё кресло так, чтобы сидеть точно напротив Джейн, и откинулся, задумчиво куря и наблюдая, как выпущенные им колечки поднимаются к ветвям кедра, расширяются, бледнеют и исчезают.

Джейн смотрела на него. Её всегда занимало, как по-разному и как характерно для каждого её друга прикуривают и курят. По одному описанию этой привычки она могла бы назвать по меньшей мере дюжину молодых людей. К тому же у Дерека Бранда она научилась ценить молчание в важном разговоре и искусству не ослаблять сказанное припиской.

Наконец Гарт заговорил:

— Интересно, почему дым так прекрасно-бледно-голубой, когда вьётся от сигареты, и серовато-белый, когда его выдыхаешь?

Джейн знала: потому, что он насыщается влагой. Но не сказала этого: ей не хотелось и самой подбрасывать этот воздушный шарик или поощрять сейчас поверхностную работу его мысли. Она спокойно ждала отклика на своё обращение к более глубокой стороне его натуры, не сомневаясь, что он последует. Вскоре он последовал.

— Вы очень добры, мисс Чемпион, что потрудились всё это обдумать и сказать мне. Могу я доказать свою благодарность и хоть раз объяснить, в чём моя трудность? Я едва определил её для самого себя, и всё же думаю, что сумею выразить её вам.

Снова долгое молчание. Гарт курил и размышлял.

Джейн ждала. В этом молчании было много понимания и дружеской близости. Гарт поймал себя на том, что переделывает последние строки старинной песни шестнадцатого века:

Моли же небо вновь и вновь:

Пошли табак, и кресло, и такую дружбу.

Сигарета ли, кресло ли, Джейн ли — а может быть, все трое вместе — внушали ему возвышенное чувство покоя, отдыха и благополучия; душа поднималась так, что всё хорошее

казалось ещё лучше, всё трудное — лёгким, а все идеалы — достижимыми. Молчание, как закат, было золотым; но наконец он нарушил его.

— Две женщины — единственные две женщины, которые когда-либо по-настоящему были в моей жизни, — установили для меня меру, ниже которой я не могу опуститься. Одна — моя мать, священное, идеальное воспоминание; другая — старая Марджери Грэм, друг и няня моего детства, теперь моя экономка, которая и заботится обо мне, и всё мне чинит. Её верное сердце и неизменная память помогают мне оставаться преданным идеалу той милой женщины, которая угасла рядом со мной, когда я стоял на пороге взрослой жизни. Марджери живёт в замке Глениш. Когда я возвращаюсь домой и дверь холла открывается, первое, что я вижу, — старую Марджери в чёрном атласном переднике, батистовой косынке и с лавандовыми лентами. Тогда я всегда чувствую себя семилетним и всегда её обнимаю. Вам, мисс Чемпион, не нравится, когда я чувствую себя семилетним; а Марджери нравится. И вот что я хочу вам объяснить. Когда я привезу в Глениш молодую жену и представлю её Марджери, добрые старые глаза будут стараться видеть только хорошее, верное старое сердце будет жаждать любить и служить. Но я буду знать, что она помнит эту меру так же, как помню я; буду знать, что ей памятен идеал кроткой, нежной женщины-христианки так же, как он памятен мне; и я не должен, не смею оказаться ниже него. Поверьте, мисс Чемпион: не раз, когда внешнее влечение было сильно и в поклонении наружной красоте я готов был пренебречь главным или забыть его — тем, что невидимо, но вечно, — тогда ясные глаза старой Марджери, совершенно не подзревающей о своём влиянии, смотрят в мои; её рука в митенке словно ложится на рукав моего пиджака, и голос, который направлял меня с младенчества, говорит с кротким удивлением: «И это вы выбрали, мастер Гарт, на место моей дорогой барыни?» Конечно, мисс Чемпион, если вспомнить наше общество, наши взгляды и то, как шумно мы проводим время, вам покажется почти нелепым, что я сижу здесь, на лужайке герцогини, и признаюсь: мне мешало сделать предложение женщинам, которыми я больше всего восхищался, предполагаемое мнение моей старой няни! Но вы должны помнить: её мнение сложилось под влиянием воспоминания, а это воспоминание — память о моей умершей матери. Кроме того, Марджери говорит голосом лучшего во мне и выражает моё собственное суждение, когда оно не ослеплено страстью и не искажено моим поклонением красоте. Не то чтобы Марджери не одобрила красивой женщины; напротив, я отлично знаю, никакой другой она бы для меня и не одобрила. Но её пронизательность быстро достигает того, что скрыто под поверхностью. По одному из возвышенных парадоксов Павла, она смотрит на невидимое. Странно, что я могу всё это рассказать вам, мисс Чемпион; в сущности, я впервые сам ясно сформулировал это в уме. Но мне кажется чрезвычайно дружеским с вашей стороны, что вы потрудились дать мне добрый совет в таком деле.

Гарт Далмейн замолчал, и наступившая тишина вдруг приобрела пугающие размеры: Джейн казалось, будто перед ней высокая ограда, на которую она тщетно пытается взобраться. Мысленно она металась туда и сюда, ища калитку или какой-нибудь другой выход. А перед нею по-прежнему стояла трудность — достойно ответить на совершенно неожиданное.

Её немоту усиливало и то, что признание Гарта бесконечно её тронуло; а когда Джейн бывала глубоко взволнована, говорить всегда становилось трудно. Этот молодой человек — обожаемый всеми девушками за красоту и восхитительные манеры, преследуемый матерями и компаньонками как необыкновенно выгодный жених, уже знаменитый в мире искусства, окружённый лестью, ухаживаниями и вниманием света — спокойно признавался, что единственная женщина, действительно оставшаяся в его жизни, — его старая няня и что её мнение и ожидания удерживают его от светского или неразумного брака. Это глубоко трогало Джейн, хотя в душе она улыбалась, представляя, что сказали бы в их обществе, если бы поняли поло-

жение дел. Гарт открылся ей в новом свете; и внезапно Джейн поняла его так, как не понимала прежде.

И всё же единственный ответ, который она смогла выговорить, был:

— Мне хотелось бы познакомиться со старой Марджери.

Карие глаза Гарта вспыхнули радостью.

— Ах, и мне хотелось бы, — сказал он. — И мне хотелось бы показать вам замок Глениш. Вам понравится вид с террасы — прямо вниз, в ущелье, и вдаль, за лиловые холмы. Думаю, понравятся вам и сосновые леса, и вересковые пустоши. Послушайте, мисс Чемпион, почему бы мне не устроить в сентябре «лучшее сборище» и не умолить герцогиню приехать присмотреть за нами? Тогда могли бы приехать и вы, и все, кого вы захотите пригласить. И... и, пожалуйста... можно было бы пригласить... прекрасный «Звёздно-полосатый флаг» с её тётушкой, миссис Паркер Бэнгс из Чикаго; тогда и увидим, что подумает о ней Марджери!

— Чудесно! — сказала Джейн. — Я приеду с удовольствием. И право, Дал, мне кажется, у этой девушки славный характер. Где вы найдёте лучше? Внешность совершенна, а душа, несомненно, тоже есть. Да, пригласите нас всех и посмотрим, что выйдет.

— Приглашу! — воскликнул Гарт в восторге. — А что Марджери подумает о миссис Паркер Бэнгс?

— Это неважно, — решительно сказала Джейн. — Когда вы женитесь на племяннице, тётушка вернётся в Чикаго.

— И мне хотелось бы, чтобы её родные не были миллионерами.

— Тут ничего не поделаешь, — сказала Джейн. — Американцы так очаровательны, что нам, право, не следует обращать внимания на их деньги.

— Жаль, что мисс Листер и её тётушки здесь нет, — заметил Гарт. — Но они будут у леди Инглби, куда я должен приехать в следующий вторник. А вы поедете туда, мисс Чемпион?

— Да, — ответила Джейн. — Во вторник я на несколько дней еду к Брандам, но обещала Майре появиться в Шенстоне к концу недели. Мне нравится у них гостить. Они такая дружная пара.

— Да, — сказал Гарт, — но кто женился на леди Инглби, тот не мог бы не быть дружной парой.

— Что за грамматика! — засмеялась Джейн. — Но я понимаю, что вы хотите сказать, и рада, что вы так высоко цените Майру. Она прелесть! Только поспешите написать её и освободить от неё свои мысли, чтобы быть свободным для Полин Листер.

Солнечные часы показывали семь. Грачи покружили вокруг вязов и довольно опустились в гнёзда.

— Пойдёмте в дом, — сказала Джейн, вставая. — Я рада, что мы поговорили, — добавила она, когда он шёл рядом с ней через лужайку.

— Да, — сказал Гарт. — Воздушным шарикам здесь было нечего делать! На этот раз мяч был футбольный — из хорошей, прочной кожи. И каждый из нас забил по голу: ничья, знаете ли. Ведь ваш совет дошёл до меня, а мой ответ, думаю, показал вам истинное положение вещей. Не так ли, мисс Чемпион?

Он снова чувствовал себя семилетним; но теперь Джейн смотрела на него глазами старой Марджери, и это её не раздражало.

— Да, — сказала она, улыбнувшись ему добрыми, искренними глазами. — Будем считать, что победила дружба, и пусть наша дружба станет от этого крепче. Спасибо вам, Дал, за всё, что вы рассказали.

Вернувшись в свою комнату, Джейн обнаружила, что до переодевания у неё осталось полчаса. Она достала дневник. Разговор с Гартom Далмейном казался достойным записи — особенно его рассказ о проповеднике, чья красота души искупала безобразие тела. Она записала его слово в слово.

Потом позвонила горничной и оделась к обеду и к концерту, который должен был за ним последовать.

¹ Стоун — английская мера веса, около 6,35 кг; двенадцать стоунов — около 76 кг.

Глава VI. Завеса поднимается

— Мисс Чемпион! А, вот вы где! Следующей выступаете вы, пожалуйста. Последний номер местной программы уже исполняют; потом герцогиня объяснит, что у Вельмы ларингит — будем надеяться, она не назовёт его «аппендицитом», — и я проведу вас на эстраду. Вы готовы?

Гарт Далмейн, исполнявший обязанности распорядителя, разыскал Джейн Чемпион на террасе и стоял перед ней в мягком свете развешанных китайских фонариков. Алая плетистая роза в петлице и красные шёлковые носки ей в тон вносили живописную краску в обычное сочетание чёрного и белого его вечернего костюма.

Джейн подняла глаза из уютной глубины плетёного кресла и улыбнулась, увидев его озабоченное лицо.

— Я готова, — сказала она и, встав, пошла рядом с ним. — Всё прошло хорошо? — спросила она. — Хорошая публика?

— Полный зал, — ответил Гарт, — и герцогиня развлеклась. Было смешнее обычного. Но теперь наступает главное событие вечера. Послушайте, а где ваши ноты?

— Спасибо, — сказала Джейн. — Я сыграю по памяти. Не придётся возиться с переворачиванием страниц.

Они вошли в концертный зал и остановились за ширмами и занавесом, возле полудюжины ступеней, которые сбоку вели на эстраду.

— О, послушайте герцогиню! — шепнул Гарт. — «Моя племянница, Джейн Чемпион, любезно согласилась выручить нас...» Это значит, что ещё через полминуты вам придётся взойти на ту эстраду. Право, было бы добрее к вам, если бы она меньше говорила о Вельме. Но неважно: они готовы восхищаться чем угодно. Вот! Аппендицит! Я же говорил. Бедная мадам Вельма! Будем надеяться, это не попадёт в местные газеты. О Господи! Сейчас начнёт распространяться о новомодных болезнях. Что ж, у нас будет минутка перевести дух... Послушайте, мисс Чемпион, днём я шутил насчёт дизетов и бемолей. Если хотите, я могу сыграть вам аккомпанемент. Нет? Ну, как вам будет лучше. Только помните: чтобы произвести впечатление в этом зале, нужен сильный голос, а зал переполнен. Теперь... герцогиня закончила. Пойдёмте. Осторожнее на нижней ступеньке. Чёрт возьми, как же темно за этим занавесом!

Гарт подал ей руку, и Джейн поднялась по ступеням, появившись перед многочисленной публикой, собравшейся в концертном зале Овердена. Пока она одна шла по довольно высокой эстраде, её высокая фигура казалась ещё выше обычного. На ней было чёрное вечернее платье из мягкой ткани со старинным кружевом на груди и одна нитка жемчуга вокруг шеи.

Когда она появилась, слушатели стали её разглядывать и зааплодировали неуверенно. Имя Вельмы в программе породило большие ожидания; и вот вместо неё мисс Чемпион, которая, конечно, очень мило играет, но петь, как предполагалось, не умеет, берётся спеть её песню. Более доброжелательная публика встретила бы её оглушительными приветствиями, щедро оценив её решимость и выразив надежду на успех. Эта же выразила своё изумление сомнительными, слабыми хлопками.

Джейн добродушно улыбнулась им, села за рояль «Бехштейн», взглянула на гирлянды белых роз и крест из алых плетистых роз, затем без дальнейших приготовлений взяла первый аккорд и начала петь.

Глубокий, совершенный голос прошёл трепетом по залу. Внезапно слушатели затаили дыхание. Каждый слог проникал в тишину, несомый звуком столь нежным и поразительно сладостным, что равнодушные сердца замирали, дивясь собственному волнению; а те, кто и прежде чувствовал глубоко, откликались ещё более глубоким трепетом на волшебство этой музыки.

Часы с тобою, милый мой,
Мне — словно жемчуга на нити;
Я каждый порознь перебираю —
Мои чётки... мои чётки.

Тихо, задумчиво, нежно были выдохнуты в тишину последние слова; в них заключался целый мир воспоминаний — верная память женщины с большим сердцем о нежных минутах прошлого. Слушатели не дышали. Это была не песня. Это было биение сердца; и оно отзывалось в таких сладостных звуках, что слёзы выступали сами собой.

Потом голос, так тихо исполнивший первые строки, поднялся в стремительном нарастании трепетной боли.

Час — жемчужина, жемчужина — молитва,
Чтоб унять разлукой сжатое сердце;
Я перебираю бусины до конца, и там —
Висит крест!

Последние слова прозвучали с внезапной силой и страстью, словно электрическим разрядом поразившими весь зал. В наступившей паузе, казалось, можно было услышать напряжение чувств. Но через мгновение тихий голос зазвучал успокаивающе; в нём слышалась сила терпения, которая не изменит ни в одном испытании и не побоится взглянуть ни в какую бездну боли. Вместе с тем он обретал пронзительную сладость, обогащённую школой страдания.

О память, что благословляет и обжигает!
О тщетное обретение и горькая утрата!
Я каждую бусину целую и учусь наконец
Целовать крест... целовать крест.

Только тот, кто слышал, как Джейн пела «Розарий», может представить, как она произнесла: «Я каждую бусину целую». В каждом слове жило медлящее воспоминание; оно дышало такой женственной, такой прекрасной, такой нежной любовью, что в волшебстве исполнения забывалась сама певица — даже у тех слушателей, кто знал её лучше всех.

Аккомпанемент, начинающийся одним аккордом, заканчивается одной нотой. Джейн взяла её тихо, задержав звук; затем встала, отвернувшись от рояля и уже уходила с эстрады, когда публика вдруг разразилась неистовыми аплодисментами.

Джейн замедлила шаг, остановилась и посмотрела на гостей тётушки, словно почти удивившись, что они здесь. Потом медленная улыбка зародилась в глазах и перешла на губы. Мгновение она стояла посреди эстрады неловко, почти робко; затем пошла дальше. Мужские голоса начали кричать: «Бис! Бис!» — а она спустилась по боковой лестнице.

Но там, за кулисами, в полутьме ширм и занавесов, Джейн ждала новая неожиданность, более поразительная, чем восторженный шум слушателей.

У подножия лестницы стоял Гарт Далмейн. Лицо его совершенно лишилось красок, а глаза сияли на нём, словно горящие звёзды. Он оставался неподвижен, пока она не сошла с последней ступеньки и не оказалась рядом. Тогда внезапным движением схватил её за плечи и повернул обратно.

— Вернитесь! — сказал он; властная потребность, дрожавшая в его голосе, заставила Джейн с немым изумлением поднять глаза к его глазам. — Вернитесь сейчас же и спойте всё ещё раз, нота в ноту, слово в слово, точно так же. Ах, не стойте здесь! Вернитесь! Сейчас же! Разве вы не понимаете, что должны?

Джейн смотрела в сияющие глаза. Что-то в них оправдывало грубоватую повелительность его тона. Не говоря ни слова, она спокойно поднялась по ступеням и прошла по эстраде к роялю.

Публика всё ещё аплодировала, а при её появлении с удвоенной силой принялась выражать восторг; но Джейн села за инструмент, даже не подумав о слушателях. Она испытывала

весьма странное, непривычное чувство. Никогда прежде за всю жизнь она не повиновалась безоговорочному приказу. Ещё в её детстве фрейлейн и мисс Джебб скоро поняли, что могут добиться желаемого лишь тщательно сформулированной просьбой или жалобным обращением к её добрым чувствам и чувству справедливости. Неразумное приказание — или разумное, но ничем не объяснённое — тотчас встречало прямой отказ. Эта черта, хотя и смягчённая временем, сохранилась; даже герцогиня, как правило, говорила Джейн «пожалуйста».

А теперь молодой человек с белым лицом и пылающими глазами бесцеремонно развернул её, велел подняться по лестнице и приказал снова спеть песню, нота в ноту, слово в слово, — и она кротко собиралась повиноваться. Садясь за рояль, Джейн вдруг решила не петь «Розарий» ещё раз. В её репертуаре было много более значительных песен. Публика ждала другой. Почему она должна обмануть эти ожидания ради властных требований крайне возбуждённого мальчика?

Она начала великолепное вступление к генделевской арии «Где б ты ни шёл», но, пока играла, вмешалось её чувство правды и справедливости. Она вернулась петь не по требованию возбуждённого мальчика, а по просьбе глубоко взволнованного мужчины, и волнение его было необычайным. То, что Гарт Далмейн оказался настолько потрясён, что хоть на мгновение забыл о своей безукоризненной учтивости, было высшей данью её искусству и её песне.

Играя тему Генделя — и играя так, что под сильными, твёрдыми пальцами на клавиатуре словно выстроился целый оркестр, — она вдруг осознала, хотя едва ли понимала, то «должны», о котором говорил Гарт, и решила подчиниться этой необходимости.

Поэтому, закончив вступление, она не запела великолепную арию из «Семелы», а на мгновение остановилась, вновь взяла начальный аккорд «Розария» и сделала так, как велел ей Гарт.

Часы с тобою, милый мой,
Мне — словно жемчуга на нити;
Я каждый порознь перебираю —
Мои чётки... мои чётки.

Час — жемчужина, жемчужина — молитва,
Чтоб унять разлукой сжатое сердце;
Я перебираю бусины до конца, и там —
Висит крест!

О память, что благословляет и обжигает!
О тщетное обретение и горькая утрата!
Я каждую бусину целую и учусь наконец
Целовать крест... целовать крест.

Когда Джейн ушла с эстрады, Гарт всё ещё неподвижно стоял у подножия лестницы. Лицо его было таким же белым, но в глазах уже не было того страшного выражения невыплаканных слёз, которое заставило её вернуться по его приказу без единого вопроса или возражения. Теперь в них сиял дивный свет — свет обожания, тронувший сердце Джейн, потому что ничего подобного она прежде не видела.

Медленно спускаясь по ступеням, она улыbnулась и протянула ему обе руки бессознательным движением ласковой дружбы. Гарт подошёл к самому подножию лестницы и взял их

в свои, пока она ещё стояла ступенькой выше. Мгновение он молчал. Затем тихо, голосом, дрожавшим от чувства, произнёс:

— Боже мой! О Боже мой!

— Тише, — сказала Джейн. — Я не люблю, когда это имя произносят все, Дал.

— Все! — воскликнул он. — Сегодня вечером я не мог бы произнести ничего все. «Всякий дар совершенный нисходит свыше». Когда мне недостаёт слов, чтобы сказать о даре, разве удивительно, что я обращаюсь к Дарующему?

Джейн прямо посмотрела в его сияющие глаза; её собственные осветила радостная улыбка.

— Значит, вам понравилась моя песня? — сказала она.

— Понравилась... понравилась ваша песня? — повторил Гарт; тень недоумения прошла по его лицу. — Не знаю, понравилась ли мне ваша песня.

— Тогда к чему столь лестные проявления чувств? — смеясь, спросила Джейн.

— Потому, — очень тихо сказал Гарт, — что вы подняли завесу, а я... я вошёл внутрь.

Он всё ещё держал её руки. Произнося последние слова, он мягко повернул их ладонями вверх и, склонившись, поцеловал каждую с невыразимо нежным благоговением; затем отпустил и отступил в сторону, а Джейн одна вышла на террасу.

Глава VII. Гарт обретает свой розарий

В тот вечер Джейн провела в гостиной лишь несколько минут. Царившее там веселье было ей не по вкусу, а расточаемые ей похвалы раздражали. К тому же ей хотелось уединиться в своей комнате и обдумать последний эпизод концерта — то, что произошло между нею и Гартом за кулисами. Она не знала, как к этому отнестись. Чувствовала, что в случившемся есть нечто, чего она не может постичь; а последний поступок Гарта пробудил в ней самые чувства, которых она не понимала.

Ей чрезвычайно не понравилось, как он поцеловал её руки; и всё же в этом движении было столько страстного, благоговейного поклонения, что она ощутила себя посвящённой — словно призванной всегда служить человеческим сердцам тем совершенным даром мелодии, который должен возвышать и облагораживать. Ощущение прикосновения его губ к ладоням не исчезало. Казалось, он оставил после себя что-то осязаемое и прочное. Раз или два она поймала себя на том, что с тревогой смотрит на свои руки; когда это случилось в третий раз, решила уйти к себе.

Герцогиня сидела за роялем, почти совершенно скрытая своими гостями: едва ли не вся компания столпилась вокруг и заходилась от восторженного смеха. Ронни только что пробился из самого тесного круга за кружевной накидкой для спинки кресла, а Билли — чтобы броситься к письменному столу за листом почтовой бумаги. Джейн знала, что бумага означает священнический воротничок, и заключила, что на ком-то было надето нечто, напоминавшее кружевную накидку. Она довольно устало отвернулась и направилась к двери.

Хотя она уходила тихо и незаметно, Гарт оказался у двери раньше неё. Как он туда попал, она не знала: обернувшись, чтобы выйти из комнаты, она видела его гладко причёсанную голову рядом с головой Майры Инглби по другую сторону толпы вокруг герцогини.

Он открыл дверь, и Джейн вышла. Ей одинаково хотелось сказать ему две вещи: либо «Как вы посмели вести себя столь необычным образом?», либо «Скажите только, чего вы хотите от меня, и я это сделаю».

Она не сказала ни того ни другого.

Гарт последовал за ней в холл, зажёл свечу, бросил спичку в сторону Томми и протянул ей серебряный подсвечник. Он выглядел до смешного счастливым. Джейн сердилась на него за то, что он так открыто выставляет напоказ радость, невольно ею вызванную, но ей самой чужую. Кроме того, она чувствовала, что должна нарушить это близкое молчание. Оно говорило слишком многое — то, чего не следовало говорить, раз нельзя было произнести вслух.

Она взяла свечу довольно решительно и обернулась на второй ступеньке.

— Спокойной ночи, Дал, — сказала она. — Вы знаете, что пропускаете викария?

Он поднял к ней глаза. Они сияли в свете её свечи.

— Нет, — сказал он. — Я ничего не упускаю, и меня никто не хватится. Я оставался там лишь затем, чтобы дожидаться, когда вы пойдёте наверх. Обратно я не вернусь. Сейчас выйду в парк подышать освежающей прохладой ночного ветерка. Буду стоять под дубами и перебирать свои чётки. До сегодняшнего вечера я не знал, что у меня есть розарий. Но он есть — есть!

— Я бы сказала, у вас их дюжина, — сухо заметила Джейн.

— И ошиблись бы, — ответил Гарт. — У меня всего один. Но в нём много часов. Когда я останусь там один, сумею вспомнить их все. Буду «каждый порознь перебирать».

— А как же крест? — спросила Джейн.

— До него я ещё не дошёл, — ответил Гарт. — В моём розарии креста нет.

— Боюсь, Дал, что у всякого настоящего розария есть крест, — мягко сказала Джейн. — И боюсь ещё, что вам придётся тяжело, когда найдёте свой.

Но Гарт был уверен и не испытывал страха.

— Когда найду свой, — сказал он, — надеюсь, что сумею...

Джейн невольно взглянула на свои руки. Он заметил этот взгляд и улыбнулся, хотя хватило порядочности покраснеть под загаром.

— ...встретить крест лицом к лицу, — закончил он.

Джейн повернулась и начала подниматься, но Гарт остановил её нетерпеливым вопросом:

— Одну минуту, мисс Чемпион! Я хочу кое о чём вас спросить. Можно? Вы сочтёте меня дерзким, самонадеянным, любопытным?

— Несомненно, — сказала Джейн. — Но сегодня я и так нахожу в вас всевозможные необычные качества; тремя прилагательными больше или меньше — особого значения не имеет. Спрашивайте.

— Мисс Чемпион, а у вас есть розарий?

Джейн непонимающе посмотрела на него, а потом вдруг поняла, к чему он клонит.

— Мой дорогой мальчик, нет! — сказала она. — Слава Богу, я избежала «памяти, что благословляет и обжигает». Ничто подобное не входит в мою разумную и упорядоченную жизнь, и я вовсе не хочу, чтобы вошло.

— Тогда, — задумчиво спросил Гарт, — как же вы пели «Розарий», словно каждая строка — ваш собственный опыт, каждая радость или боль — ваша, пусть, может быть, давно минувшая?

— Потому, — объяснила Джейн, — что, когда пою, я всегда живу в песне. Разве я не рассказывала вам об уроке, полученном на «Индусской песне»? Поэтому, пока сегодня вечером я пею, у меня, несомненно, был розарий. Но вне песни, в том смысле, какой вы имеете в виду, — нет, слава Богу, нет.

Гарт поднялся на две ступеньки; его глаза оказались на уровне подсвечника.

— Но если бы вы любили, — очень тихо сказал он, — вы любили бы именно так? Именно так чувствовали бы?

Джейн задумалась.

— Да, — сказала она. — Если бы я любила, то, полагаю, любила бы именно так и чувствовала бы то же, что в эти несколько минут.

— Значит, в песне были вы, хотя обстоятельства не ваши?

— Да, полагаю, — ответила Джейн, — если только можно рассматривать себя отдельно от собственных обстоятельств. Но, право, это довольно бесполезный «воздушный шарик». Спокойной ночи, мастер Гарт!

— Послушайте, мисс Чемпион! Только ещё одно. Вы споёте для меня завтра? Придёте в музыкальную комнату и споёте всё прекрасное, что мне хочется услышать? И позвольте мне сыграть несколько аккомпанементов? Ах, обещайте прийти. Обещайте петь всё, что я попрошу, и я больше не буду вас сейчас беспокоить.

Он стоял, глядя на неё снизу и ожидая обещания; в его глазах сияло такое обожание, что Джейн поразились и не на шутку встревожились. Потом ей вдруг показалось, что ключ найден, и она поспешила объяснить всё и себе, и ему.

— Ах, милый мальчик! — сказала она. — Какой вы художник! И как трудно нам, обыкновенным, трезво мыслящим людям, понимать артистическую натуру. Вот вы чуть не кружите мне мою степенную старую голову своим восторгом перед тем, что показалось вам совершенством звука и достигло вас через слух, — точно так же, как снова и снова поклоняетесь совершенству формы, которое достигает вас через зрение. Я начинаю понимать, как вам удаётся кружить головы женщинам, когда вы их пишете. Впрочем, вы очень милы в своём восхищении, а мне хочется пойти спать. Поэтому обещаю завтра спеть всё, что вы захотите, и столько, сколько пожелаете. Теперь сдержите своё обещание и больше не беспокойте меня сегодня. Не проводите в парке всю ночь и постарайтесь не пугать оленей. Нет, со свечой мне помогать не надо, а подниматься по лестнице одна я вполне привыкла, благодарю вас. Разве вы не слышите, какие личные и подходящие к случаю замечания делает там внизу Томми? Ну, бегите же, мастер Гарт, перебирать свои жемчужины. А если вдруг наткнётесь на крест — помните: его, по всей вероятности, можно уговорить вернуться в Чикаго!

Джейн всё ещё улыбалась, когда вошла в комнату и поставила подсвечник на туалетный столик. Оверден освещался исключительно лампами и свечами. Герцогиня отказывалась освещать его электрическим светом. Зато свечей было в изобилии, и Джейн, любившая яркое освещение, принялась зажигать обе свечи в рожках по сторонам зеркала на туалетном столике, свечи в настенных подсвечниках возле камина и в высоких серебряных подсвечниках на письменном столе.

Потом она устроилась в удобном кресле, потянулась за письменной папкой, достала дневник и авторучку и приготовилась закончить запись за день. Написала: «Пела „Розарий“ на концерте тётушки Джины вместо Вельмы, которая не смогла приехать (ларингит)» — и на этом остановилась.

Почему-то сцену с Гартом трудно было записать, а чувства, оставшиеся после неё, и вовсе не поддавались описанию. Джейн сидела и обдумывала случившееся, не возражая против того, чтобы страница осталась пустой.

Прежде чем встать, запереть дневник и приготовиться ко сну, она сумела объяснить себе всё так, что осталась вполне довольна. В основу рассуждения легла артистическая натура Гарта; а артистическая натура, увы, не слишком прочное основание — ни для теории, ни для построения судьбы. Однако, за неимением лучшего, Джейн пришлось принять её за главный фактор и привести свои мысли в порядок следующим образом.

Это трепетное волнение Гарта, так странно нарушавшее её собственный основательный покой, несколько не относилось лично к ней — разве лишь к её голосу и музыкальным дарованиям. Как вид красоты, которую можно запечатлеть на холсте, доводил его до иступлённого восторга, заставлял метаться между надеждой и отчаянием, пока он не добивался желаемого и не располагал холст и модель по своему вкусу, так и теперь его страсть к прекрасному была пробуждена — на этот раз не зрением, а звуком. Когда она даст ему вдоволь насладиться пением и позволит сыграть несколько аккомпанементов, он будет удовлетворён, и тревожное выражение обожания исчезнет из этих прекрасных карих глаз.

Пока же приятно было думать о завтрашнем дне, хотя следовало помнить: во всём этом восхищении нет ничего относящегося к ней лично. Перед мадам Бланш, например, он пришёл бы в ещё больший восторг: у той был тот же тембр голоса и та же школа пения, а вдобавок красота, радовавшая глаз, пока голос очаровывал слух. Гарт непременно должен увидеть и услышать её, раз музыка так много для него значит.

Джейн начала строить планы, как это устроить, а потом её мысли обратились к Полин Листер, прекрасной американке, чьё имя весь сезон связывали с именем Гарта Далмейна. Джейн была уверена: ему нужна именно такая жена. Её красота удовлетворит его, её пронзительный здравый смысл и прямые, практичные манеры уравновесят его несколько непостоянный нрав, а умение приспосабливаться позволит ей вписаться в его окружение — и в северном доме, и среди многочисленных друзей на юге.

Женившись, он перестанет восторгаться Флауэр и Майрой и целовать людям руки этим... Джейн хотела сказать «нелепым образом», но неизменно была правдива даже в мыслях и замечала определение более точным: «необыкновенным» — этим необыкновенным образом.

Она наклонилась вперёд, упёрлась локтями в колени и протянула перед собой большие руки ладонями вверх, снова ощутив пережитое в ту минуту. Потом резко одёрнула себя.

«Джейн Чемпион, не будь душой! Ты поступила бы несправедливо с этим милым мальчиком, влюблённым в красоту, ещё больше, чем с самой собой, если бы хоть на мгновение приняла его всерьёз. Сегодняшнее его поклонение относилось к тебе лично не больше, чем удовольствие от превосходного обеда — лично к повару тётушки Джорджины. В наслаждение творением входил и его создатель — только и всего. Радуйся успеху своего искусства и не порти его нелепой сентиментальностью. А теперь вымой свои весьма нескладные руки и ложись спать».

Так говорила себе Джейн.

А под дубами, на мягкой траве, стоял Гарт Далмейн. Вокруг спали пугливые олени, не замечая его присутствия; над ним в тёмно-лиловом небе висели, словно светильники, планеты. И он тоже говорил с собой.

— Я нашёл её, — произнёс он тихо, с восторгом. — Идеальную женщину, венец женственности, совершенную спутницу для духа, души и тела мужчины, который сумеет её завоевать. Джейн! Джейн! Ах, как я был слеп! Знать её столько лет — и не понимать, кто она. Но она подняла завесу, и я вошёл внутрь. Ах, великое, благородное сердце! Теперь ей уже не удастся вновь опустить завесу между её душой и моей. И у неё нет розария. Благодарю Бога за это. Ни один другой мужчина не обладает и никогда не обладал тем, чего я желаю сильнее, чем когда-либо желал чего-нибудь на земле: любовью Джейн, нежностью Джейн. Ах, что это будет значить? «Я каждый порознь перебираю». Когда-нибудь она будет перебирать их — свои жемчужины и мои. Боже, избавь нас от креста. Неужели у каждого настоящего розария должен быть крест? Тогда дай мне, Боже, тяжёлый его конец, и пусть совместное несение свяжет нас воедино. Ах, эти дорогие руки! Ах, эти верные, неизменные глаза!... Джейн! Джейн! Наверное, это всегда была Джейн, хотя я и не знал — слепой глупец! Но одно знаю: я был слеп, а теперь вижу. И с этой ночи всегда будет Джейн — во времени и, даст Бог, в вечности.

Ночной ветерок шевелил его густые тёмные волосы; когда он поднял глаза, они сияли в звёздном свете.

А Джейн, уже почти уснувшая, проснулась от стука оконной шторы о раму и пробормотала:

— Всё, чего ты хочешь, Гарт. Только скажи, и я сделаю.

Затем, внезапно осознав сказанное, она села в темноте и яростно принялась бранить себя:

— Ах ты, немолодая ослица! Называешь себя степенной и рассудительной, а немного лести от мальчика, к которому привязана, совершенно вскружило тебе голову. Сейчас же приди в себя — или уезжай из Овердена первым утренним поездом.

Глава VIII. Новые жемчужины

Последовавшие дни были для Джейн золотыми. Ничто не омрачало наслаждения совершенно новым, странно-сладостным переживанием. Наутро в поведении Гарта не осталось ни возбуждения, ни внешних проявлений чувств, которые озадачили и встревожили её накануне вечером. Он был очень тих и казался Джейн старше, чем когда-либо прежде. Он редко впадал в своё семилетнее настроение, даже с герцогиней; и когда кто-то шутливо спросил, не упражняется ли он в подобающем поведении человека, которому скоро предстоит жениться, Гарт спокойно ответил:

— Да, упражняюсь.

— Она будет в Шенстоне? — спросил Рональд: несколько гостей герцогини должны были провести конец следующей недели у леди Инглби.

— Да, будет, — сказал Гарт.

— О Господи! — театрально воскликнул Билли. — Молю тебя, Бенедикт, неужели нам принять это всерьёз?

Но Джейн, сидевшая неподалёку от Гарта и погружённая в утреннюю газету, выглянула из-за неё, подняла на него глаза и сказала так, чтобы слышал только он:

— О Дал, как я рада! Вы решили это вчера вечером?

— Да, — сказал Гарт, повернувшись и обращаясь уже к ней одной, — вчера вечером.

— Наш послеобеденный разговор как-то на это повлиял?

— Нет, совершенно никак.

— Это был «Розарий»?

Он помедлил, потом сказал, не глядя на неё:

— Откровение «Розария»? Да.

Теперь возбуждение Гарта было для Джейн вполне объяснено, и она могла свободно наслаждаться новой стороной их дружбы: часы, проведенные вместе за музыкой, приносили подлинную радость. Гарт оказался гораздо лучшим музыкантом, чем она знала. Ей нравилась его ясная, мужественная манера играть на рояле, не затуманенная ни смазыванием звуков, ни педалью; а там, где требовалась тонкость, его прикосновение было нежнее её собственного.

Что значил для него её голос в эти чудесные часы, он словами не выражал: после первого вечера строго сдерживал свою речь. Под дубами он решил выждать неделю, прежде чем заговорить, — и ждал.

А новым и странно-сладостным для Джейн было ощущение, что для кого-то она условно первая. Способами, известными лишь ему самому и ей, Гарт давал ей это почувствовать. Другим нечего было заметить; и всё же она прекрасно знала: стоит ей войти в комнату, он тотчас чувствует её присутствие; стоит выйти — тотчас замечает её отсутствие.

Его знаки внимания были столь ненавязчивы и тактичны, что никто другой их не осознавал. Они не вызывали ни шуток друзей, ни герцогининого «Вот ещё! Что такое?» И всё же его преданность, казалось, всегда окружала её. Впервые в жизни Джейн чувствовала, что занимает первое место во всех мыслях другого человека.

От этого он казался ей странным образом своим. Всё, что он говорил, делал, всё, чем был, доставляло ей радость и внушало гордость. В часы, проведенные вместе в музыкальной комнате, она училась узнавать его, понимать эту увлечённую, влюблённую в красоту, беспечную натуру так, как прежде не понимала никогда.

Дни были золотыми, и вечернее расставание было сладостно, потому что придавало особую прелесть радости утренней встречи.

И всё-таки в эти золотые дни мысль о любви в обычном смысле слова ни разу не пришла Джейн в голову. Её неведение в этом вопросе объяснялось не столько неопытностью, сколько слишком большим опытом пародии на настоящее чувство — опытом, который мешал ей узнать саму любовь теперь, когда та приближалась в своём самом совершенном облике.

За дюжину светских сезонов Джейн получила почти дюжину предложений руки и сердца. Богатой наследнице, независимой от родителей и опекунов, хорошей крови и знатного рода, несколько предложений известного сорта были неизбежны. Мужчины средних лет — начинавшие лысеть и седеть, уставшие от шумной лондонской жизни, владельцы прекрасных старых поместий, которым прискорбно не доставало средств на их содержание, — деловито предлагали брак достойной Джейн Чемпион. Достойная Джейн осматривала их с головы до ног, словно видя насквозь, пока они не начинали чувствовать себя весьма жалкими, а затем столь же деловито и спокойно им отказывала.

Двое-трое славных юношей, которых она выручала из неприятностей и снова ставила на ноги после безнадёжных падений, в приливе слезливой благодарности подумали, как было бы хорошо всегда иметь её под рукой: она удерживала бы человека на верном пути, говорила, что следует делать, понимаете? И... э-э... ну да... платила бы его долги и была бы чем-то вроде

матери, которая не бранит. Они хватали её добрую руку и умоляли выйти за них замуж. Джейн шлёпала их, если они осмеливались к ней прикоснуться, и советовала не глупить.

Совсем недавно одно торжественное предложение она получила от холостого настоятеля прихода, соседнего с Оверденом. Он часто навязывал ей утомительные разговоры; и когда явился, намереваясь задать свой судьбоносный вопрос, Джейн, сидевшая за письменным столом в гостиной Овердена, не увидела причины отходить от него. Если настоятель станет слишком многословен, можно будет незаметно дописать несколько записок.

Он опустил в глубокое кресло возле письменного стола, положил одну несколько кривую ногу на другую, с благостной аккуратностью соединил кончики пальцев и нараспев произнёс первые фразы своего предложения.

Джейн, очинявшая карандаши и разбиравшая перья, по-видимому, уловила лишь общее направление его речи: когда он пропел слова «Не только из себялюбивых побуждений, дорогая мисс Чемпион, но и ради блага моего прихода, ради благоденствия моей паствы, ради преуспевания церковного дела среди нас», она открыла ящик для бумаг и достала чековую книжку.

— С удовольствием внесу пожертвование, мистер Билберри, — сказала она. — На купель, на кафедру, на новые сборники церковных песнопений или на что-нибудь другое?

— Дорогая леди, — дрожащим голосом сказал настоятель, — вы меня неправильно поняли. Я желаю повести вас к алтарю.

— Дорогой мистер Билберри, — сказала Джейн Чемпион, — в этом нет никакой необходимости. Из любого места вашей церкви всякому посетителю совершенно ясно, что вам нужен новый покров на алтарь. С величайшим удовольствием дам вам на него чек на десять фунтов. В последнее время я довольно часто бывала в вашей церкви, потому что люблю подолгу гулять одна в тишине леса. А теперь, я уверена, вы захотите перед уходом повидаться с моей тётушкой. Она в птичнике, кормит своих заморских птиц. Если выйдете вон через то окно и пройдёте по террасе налево, найдёте и птичник, и герцогиню. Советую не упоминать тётушке об этом разговоре. Она не одобряет затейливых алтарных покровов, станет бранить нас обоих и потребует, чтобы деньги потратили на башмаки школьникам. Нет, пожалуйста, не благодарите. Я действительно рада случаю поддержать вашу прекрасную деятельность в наших краях.

Раз или два Джейн задавалась вопросом, предъявят ли чек к оплате. Ей хотелось бы получить его обратно по почте, разорванным пополам, с несколькими гневными строками мужского негодования. Но когда через положенный срок чек вернулся к ней из банка, на нём аккуратным учёным почерком было подписано «П. Билберри», без единого даже возмущённого росчерка внизу; и она выбросила его в корзину для бумаг с довольно горькой улыбкой.

Таков был опыт Джейн в получении предложений руки и сердца. Её никогда не любили ради неё самой; она никогда не чувствовала себя по-настоящему первой в сердце и жизни другого.

И теперь, когда обожающая любовь всего мужского существа начинала нежно, осторожно окружать и обнимать её, она не узнавала причины ни собственного счастья, ни его преданности. Она считала его объявленным поклонником другой женщины, с чьей молодостью и красо-

той ей и в голову не пришло бы соперничать; а близость между собой и Гартom воспринимала как развитие дружбы, более прекрасной, чем до сих пор полагала возможным.

Так обстояли дела, когда наступил вторник и гости Овердена разъехались. Джейн отправилась в Лондон провести пару дней у Брандов. Гарт поехал прямо в Шенстон, куда его пригласили специально ради встречи с мисс Листер и её тётушкой, миссис Паркер Бэнгс. Джейн должна была приехать в Шенстон в пятницу, на конец недели.

Глава IX. Гости леди Инглби

Когда Джейн заняла своё место и поезд отошёл от лондонского вокзала, она откинулась в угол купе с довольным вздохом. Почему-то эти дни в столице показались ей невыносимо долгими. Джейн задумчиво перебирала их в памяти, ища причину. Они были наполнены интересными занятиями и встречами; да и само пребывание в Лондоне обычно доставляло ей удовольствие. Почему же она чувствовала такое беспокойство, неудовлетворённость и одиночество?

По привычке она только что остановилась у вокзального книжного киоска и приобрела обычную стопку чтения. Друзья всегда говорили, что Джейн не может отправиться даже в самое короткое путешествие без полудюжины газет. Но теперь они лежали без внимания на сиденье напротив. Джейн обдумывала свой вторник, среду и четверг и недоумевала: почему они оказались лишь утомительными ступенями на пути к пятнице? И вот пятница наконец наступила; стоило сесть в поезд до Шенстона, как она начала чувствовать себя счастливой и оживлённой.

Что было не так в эти три дня? Флауэр была очаровательна; Дерек — по-прежнему дружелюбен и интересен; маленький Дикки — восхитителен; а малышка Блоссом — мила так, как может быть мила только малышка Блоссом. Чего же не доставало?

— Знаю! — сказала Джейн. — Конечно! Почему я не поняла раньше? В последние дни в Овердене было слишком много музыки — и какой музыки! Я страдала от избытка музыки, а её отсутствие и породило это пустое чувство одиночества. У Майры мы, несомненно, будем много музицировать, и Дал там будет: если Майра не предложит, он потребует.

С тихой счастливой улыбкой радостного предвкушения Джейн взяла «Спектейтор» и вскоре погрузилась в статью о южноафриканском вопросе.

Майра встретила её на станции, правя двумя пони, запряжёнными один за другим. Там же стояла лёгкая повозка для горничной и багажа; и, не теряя ни минуты, Джейн с хозяйкой бодрой рысью понеслись по сельской дороге.

Поля и леса в послеобеденном солнце зеленели с чудесной, умиротворяющей свежестью. В живых изгородях теснились цветы шиповника. С полей увозили последние возы сена. В птичьих песнях звучал восторг; всё, что виднелось и благоухало вокруг, было исполнено такой упоительной прелести, какой Джейн прежде никогда не ощущала столь живо. Она глубоко вдохнула и почти невольно воскликнула:

— Ах, как хорошо быть здесь!

— Милая моя! — сказала леди Инглби, помахивая хлыстом и любезно кивая в ответ на почтительные приветствия с сенокоса. — Как отрадно, что вы приехали! Вы для меня всегда словно бас в мелодии: что-то такое основательное, надёжное, на что можно опереться в критическую минуту. Я терпеть не могу критических минут. Они так утомительны. Как я говорю: почему бы всему не идти своим чередом? Всё есть как было, а было как будет, если только люди не станут суетиться. Во всяком случае, я уверена: ничто не может пойти уж очень плохо, если вы где-нибудь поблизости.

Майра слегка хлестнула переднего пони, склонного лениться, и они полетели между высокими изгородами, едва задевая нависшие заросли жимолости и дикого клематиса. Проезжая, Джейн сорвала веточку клематиса.

— «Радость путника», — сказала она с той же тихой улыбкой радостного ожидания и вставила белый цветок в петлицу.

— Итак, — продолжала леди Инглби, — мои гости проводят время вполне приятно. Ах да, Джейн, с Далом, кажется, сомнений уже нет. Как я буду рада, если всё устроится под моим крылышком! Американская девушка просто изумительна, такая живая и очаровательная. А Дал совсем перестал глупить — не то чтобы я когда-нибудь считала его глупым, но знаю, вы считали, — и стал очень тих и задумчив; будь это кто-нибудь другой, можно было бы почти сказать «скучен». Они бродят вдвоём самым подходящим образом. Я стараюсь, чтобы тётушка все свои замечания делала мне. Так боюсь, как бы она не отпугнула Дала. Он ведь столь взыскателен. Я обещала Билли всё, вплоть до половины моего царства, если он будет сидеть у ног миссис Паркер Бэнгс, внимать её мудрости, отвечать на вопросы и держать её подальше от Дала. Билли так рабски предан миссис Паркер Бэнгс, что я уже начинаю бояться: не собирается ли он попросить, чтобы я его поцеловала? В таком случае передам его вам для наказания. Вы так прекрасно справляетесь с этими мальчиками. Я совершенно уверена, что сегодня вечером Дал сделает Полин Листер предложение. Не понимаю, почему он не сделал этого вчера. Была такая совершенная луна, и они катались по озеру. Чего ещё мог желать Дал? Озеро, луна и эта прекрасная девушка! Билли взял миссис Паркер Бэнгс в двухместное каноэ и чуть её не опрокинул: так смеялся над её замечаниями о том, что приходится сидеть прямо на дне. Зато он отвёз её на противоположный берег, подальше от Дала и племянницы, — это всё, что нам было нужно. Потом миссис Паркер Бэнгс спросила, не вдовец ли Билли. Как вы думаете, что она имела в виду?

— Не имею ни малейшего понятия, — сказала Джейн. — Но очень рада слышать о Дале и мисс Листер. Это именно та девушка, которая ему нужна; она скоро приспособится к его привычкам и потребностям. Кроме того, Далу необходима безупречная красота — и здесь он действительно её получает.

— Ещё бы! — сказала Майра. — Вам следовало увидеть её вчера вечером: белый атлас, дикие розы в волосах. Не понимаю, почему Дал не пришёл в восторг. Но, возможно, то, что он стал спокойнее относиться к таким вещам, — хороший знак. Полагаю, он принимает решение.

— Нет, — сказала Джейн. — Думаю, решение он принял ещё в Овердене. Но для него это много значит. Он очень серьёзно относится к браку. Кто у вас в Шенстоне?

Леди Инглби перечислила имена. Джейн знала всех.

— Прекрасно! — сказала она. — Ох, как я рада, что приехала! В Лондоне было так жарко и скучно. Никогда прежде я не находила его ни жарким, ни скучным. Чувствую себя изменницей. Ах, вот и прелестная маленькая церковь! Мне хочется услышать новый орган. Я была рада, что ваш милый священник вспомнил обо мне и позволил внести свою долю. У него два мануала или три?

— Полдюжины, кажется, — сказала леди Инглби, — и вы нажимаете на них ногами. Но однажды в воскресенье, когда я играла на детской службе, то сочла благоразумным их не трогать. Никогда не знаешь, что произойдёт, если коснуться этих механических приспособлений.

— Вы, вероятно, имеете в виду педали для смены регистров? — предположила Джейн.

— Вполне возможно, — безмятежно сказала Майра. — Эти штуки внизу, похожие на подставки для ног: ужасно пугают, если случайно пнуть.

Джейн улыбнулась, представив, как Гарт откинет голову и захохочет, если рассказать ему этот разговор. Музыкальные замечания леди Инглби всегда забавляли её друзей.

Они проехали мимо деревенской церкви на лужайке, живописно увитой плющом, а через полминуты свернули в ворота парка. Майра заметила, как Джейн покосилась на столб ворот, мимо которого они только что пронеслись вплотную, и засмеялась.

— Не задели — значит, всё равно, что за милю проехали, — сказала она, пока они мчались по длинной аллее между вязами. — Так я и сказала дорогой маме, когда на днях она гневно выговаривала мне за мою, как она выразилась, «бешеную езду». Кстати, Джейн, дорогая мама в последнее время стала прямо-таки сердечной. К тому времени, как мне исполнится семьдесят, а ей девяносто восемь, она, думаю, начнёт меня почти любить. Вот мы и приехали. Обратите внимание на Лоусона. Он у нас недавно, такой славный человек. Прекрасно поёт, немного играет на концертино, преподаёт в воскресной школе и действительно замечательно выступает на собраниях общества трезвости. Очень любит стричь газоны; а моя горничная говорит, что он изучает с ней французский. Единственное, на что он, кажется, совершенно не способен, — быть толковым дворецким; это так досадно, потому что он слишком мне нравится, чтобы я когда-нибудь с ним рассталась. Майкл говорит, у меня совершенно губительная привычка любить людей и поощрять их заниматься тем, что они умеют и что им нравится, вместо того, ради чего их наняли. Наверное, это так; но мне хочется, чтобы мои слуги были счастливы.

Они вышли из экипажа, и Майра с ленивой грацией поплыла в холл. Ничто в её движениях не выдавало того, как мастерски она только что правила пони: можно было подумать, что она встала с удобного сиденья коляски. Джейн с интересом посмотрела на слугу, который выступил вперёд и ловко им помог. Вид у него был не совсем дворецкий, но и представить его играющим на концертино или ораторствующим на собрании общества трезвости она не могла; со своими обязанностями он справился вполне достойно.

— Ах, это был не Лоусон, — объяснила Майра, ведя её вверх. — Я забыла. Сегодня после полудня ему надо было пойти в дом священника поговорить о музыкальных чтениях, которые они затевают. Это Том, но в доме мы зовём его Джефсоном. Он был одним из конюхов Майкла, но помолвлен с одной из горничных, и я заметила, что ему гораздо приятнее находиться в доме. Поэтому устроила его подменять Лоусона, и теперь он отращивает бакенбарды. Когда Майкл вернётся из Норвегии, придётся осторожно ему всё объяснить. Сюда, Джейн. Мы

отвели вам комнату магнолий. Я знала, что вид на озеро вам понравится. Ах, забыла сказать: у нас идёт теннисный турнир. Надо спешить на корты. Чай подают там, под каштанами. Дал и Ронни играют финал мужского одиночного разряда. Должна быть прекрасная встреча. Её собирались начать около половины пятого. Не тратьте время на переодевание. Ваша горничная и багаж ещё не скоро доберутся.

— Спасибо, — сказала Джейн. — Я всегда путешествую в одежде для загородного отдыха и сегодня, как видите, тоже. Только смою железнодорожную пыль и пойду следом за вами.

Через десять минут Джейн, направляясь на звуки приветственных криков и смеха, прошла через кустарники к теннисным лужайкам.

Все гости леди Инглби собрались там, образовав живописную группу под каштанами с белыми и алыми цветами. Дальше, на прекрасно сохранившейся траве корта, шёл захватывающий сет. Приблизившись, Джейн различила стройную, подвижную фигуру Гарта в белом фланелевом костюме и лиловой рубашке и молодого Ронни, огромного и сильного, полагавшегося на страшную мощь своих резаных ударов и прямых посылов, чтобы уравновесить более зоркий глаз и быстрый поворот кисти Гарта.

Игра была прекрасной. Первый сет Гарт выиграл со счётом шесть — четыре; теперь счёт был пять — четыре в пользу Ронни. Но в этом гейме подавал Гарт и почти наверняка должен был его выиграть. Тогда счёт сравнялся бы.

Джейн прошла вдоль ряда садовых кресел к свободному месту возле Майры. Увлечённые игрой зрители приветствовали её радостно, но торопливо. Вдруг поднялся общий вопль. Гарт сделал двойную ошибку. Джейн нашла своё кресло и повернулась к игре. Почти тотчас снова раздались крики изумления: Гарт подал в сетку, затем за линию. Гейм и сет достались Ронни.

— По одному, — заметил Билли. — Ну! Никогда не видел, чтобы Дал делал такое. Впрочем, зато нам подарено счастье посмотреть ещё один сет. Они великолепно подобраны. Дал — молния, а Ронни — гром.

Игроки поменялись сторонами; Гарт под загаром слегка побледнел. Его несказанно досадовали неудачные подачи в столь решительную минуту. Не то чтобы он огорчился из-за проигранного сета; но ему казалось, вся компания должна была заметить: именно высокая фигура в сером, увиденная краем глаза и тихо двигавшаяся вдоль ряда кресел, на мгновение заставила землю и небо завертеться и превратила сетку и линии в смутное пятно.

На самом деле лишь одна зрительница связала проигрыш Гарта с приездом Джейн. Это была прекрасная девушка, сидевшая точно напротив сетки; переходя на другую сторону корта, он обменялся с нею улыбкой и несколькими словами.

Последний сет оказался самым захватывающим из трёх. Девять упорно разыгранных геймов: пять у Гарта, четыре у Ронни. Теперь подавал Ронни, изо всех сил стремясь сравнять счёт. Снова и снова восторженные сторонники обоих выкрикивали: «Ровно!» А когда Гарт получал преимущество, резкая подача Ронни сверху заставляла его врасплох — и опять было ровно.

— Голова уже не кружится? — сказала миссис Паркер Бэнгс Билли, возлежавшему на траве у её ног. — По-моему, это достаточно долго продолжается. И оба, должно быть, хотят чаю. Всё-таки с мистера Далмейна было бы любезно пропустить тот мяч.

— Да, не правда ли? — серьёзно сказал Билли. — Но, видите ли, Дал от природы не добр. Я бы, например, играя против Ронни, давно уже пропускал эти его мячи сверху.

— Уверена, что так, — одобрительно сказала миссис Паркер Бэнгс; а Джейн, по просьбе Майры, наклонилась и ущипнула Билли.

Ракетка Ронни хлестнула по мячу.

— Дьюс! Дьюс! — закричало полдюжины голосов.¹

— Не следует так выражаться, — заметила миссис Паркер Бэнгс, — даже если они сердятся.

Билли с восторгом обхватил колени и поднял на неё глаза с выражением ангельской невинности.

— Да, разве это не печально? — пробормотал он. — Я никогда не произношу дурных слов за игрой. Всегда говорю: «Гейм — любовь».² По-моему, это звучит гораздо приятнее.

Джейн ущипнула снова, но Билли продолжал с восхищением смотреть на миссис Паркер Бэнгс.

— Билли, — строго сказала Майра, — ступайте в холл и принесите мой алый зонтик. Да, вполне возможно, что вы пропустите конец, — добавила она строгим шёпотом, когда он наклонился над её креслом с возражениями, — но вы это вполне заслужили.

— Я решил, о моя королева, чего просить, — шепнул Билли, когда три минуты спустя вернулся запыхавшись и положил зонтик на колени леди Инглби. — Вы обещали мне всё, вплоть до половины царства. Я хочу голову миссис Паркер Бэнгс на блюде.

— Ох, замолчите, Билли! — воскликнула Джейн. — И не загораживайте! Мы пропустили последний удар. Какой счёт?

Снова было преимущество Гарта, и снова рука Ронни взлетела для неотразимого сокрушительного удара.

— Поднажмите, Дал! — раздался голос среди общего шума.

Гарт узнал этот дорогой голос. Он не посмотрел в его сторону, но улыбнулся. В следующее мгновение его рука метнулась, словно молния. Мяч коснулся земли на стороне Ронни и пронёсся вдоль корта почти без отскока. Отчаянная попытка Ронни подхватить его была безнадёжна. Гейм и сет достались Гарту.

Они вместе ушли с площадки, держа ракетки под мышкой; на красивых лицах горел румянец достойно выдержанной борьбы. Исход был настолько близок к ничьей, что оба могли ощутить трепет победы.

Полин Листер сидела, положив пиджак Гарта на колени; его часы и цепочка тоже были у неё. Он на мгновение остановился, чтобы забрать их и принять поздравления, потом надел пиджак, убрал часы в карман и подошёл прямо к Джейн.

— Как поживаете, мисс Чемпион?

Его глаза нетерпеливо искали её глаз; радостное приветствие, прочитанное в них, наполнило его уверенностью и покоем. В эти дни ему невыразимо её не доставало. Вторник, среда и четверг были лишь утомительными ступенями на пути к пятнице. Казалось невероятным, что отсутствие одного человека может так многое изменить. И всё же как прекрасно, что это так; что они оба это понимают теперь, когда настал день, в который он намерен сказать, как отчаянно хочет, чтобы она всегда была рядом.

Да, что они оба понимают: он был уверен, что Джейн тоже испытала эту пустоту. Столь полное, всепоглощающее чувство, каким была для него тоска по ней, не могло быть односторонним. И как стоило пережить эти одинокие дни, если благодаря им оба хоть немного узнали, что значит «вместе», — теперь, когда должны быть произнесены слова, навсегда исключающие подобные разлуки.

Всё это пронеслось в мыслях Гарта, пока он приветствовал Джейн самым обыкновенным английским приветствием — вечным вопросом, на который никогда не отвечают. Но в эту минуту в устах Гарта он не показался Джейн обыкновенным, и она ответила совершенно откровенно и подробно. Ей больше всего хотелось рассказать ему, как именно она поживает, услышать всё о нём, сверить впечатления об этих трёх бесконечных днях и возобновить их тесную дружбу с того самого места, где она прервалась.

Её рука легла в его руку с той уверенной полнотой пожатия, которая всегда делала рукопожатие Джейн таким приятным и по-настоящему дружеским.

— Очень хорошо, благодарю вас, Дал, — ответила она. — По крайней мере, здоровье и настроение улучшаются с каждой минутой, теперь, когда я наконец приехала.

Гарт прислонил ракетку к подлокотнику её кресла и растянулся на траве рядом, опершись на локоть.

— С Лондоном что-нибудь было не так? — спросил он довольно тихо, глядя не на неё, а на изящный коричневый башмак, твёрдо стоявший на траве возле его руки.

— С Лондоном всё было так, — откровенно ответила Джейн. — Разумеется, жарко и пыльно, но, как всегда, чудесно. Что-то было не так со мной; и вам будет за меня стыдно, Дал, если я признаюсь, что именно.

Гарт не поднял глаз, но усердно срывал маленькие травинки и выкладывал ими узор на башмаке Джейн. Будь они одни, этот разговор пришёлся бы точно кстати. Но неужели Джейн

собирается объявить всему обществу своим дорогим, звучным, далеко разносящимся голосом сладостную тайну их тоски друг по другу?

— Печень? — вдруг спросила миссис Паркер Бэнгс.

— Булочки! — мгновенно воскликнул Билли и бросился за ними. Он едва не швырнул их ей на колени, так поспешно подавал, при этом споткнувшись и чуть не упав через ноги Гарта.

Джейн уставилась на миссис Паркер Бэнгс и её булочки, потом посмотрела на тёмную макушку Гарта, низко склонённую над травой.

— Мне было скучно, — сказала она. — Невыносимо скучно. А Дал всегда говорит: «Скучно бывает только скучному человеку». Но сейчас, в поезде, я разобралась в своей скуке и обнаружила, что она в значительной мере его вина. Слышите, Дал?

Гарт поднял голову и посмотрел на неё; в эту минуту он понял, что полное, всепоглощающее переживание всё-таки может быть односторонним. В спокойных серых глазах Джейн светилась весёлая дружба.

— Это была ваша вина, мой дорогой мальчик, — сказала Джейн.

— Каким образом? — спросил Гарт. Лицо его под загаром густо покраснело, но голос прозвучал спокойно-вопросительно.

— Потому что в последние дни в Овердене вы вовлекли меня в такое музыкальное упоение, какого я прежде не знала, и мне недоставало его до совершенно пугающей степени. Я начала опасаться за равновесие своего благоустроенного ума.

— Что ж, — сказала Майра, выглянув из-за красного зонтика, — вы с Далом можете устроить здесь музыкальные оргии, если вам угодно. В гостиной найдёте пианино, в холле — ещё одно, а в бильярдной — рояль «Бехштейн». Там я провожу спевки со слугами. Я никак не могла решить, какую марку действительно предпочитаю — «Эрар», «Бродвуд», «Коллард» или «Бехштейн», — и постепенно собрала по одному инструменту каждой. И всё-таки лучше всего играю, кажется, на маленьком пианино, которое стояло у нас дома в классной комнате. Теперь оно в моём будуаре. Я словно больше привыкла к его нотам — или оно лучше поддаётся моей манере играть.

— Спасибо, Майра, — сказала Джейн. — Полагаю, нам с Далом понравится «Бехштейн».

— А если захотите чего-нибудь по-настоящему захватывающего в музыке, — продолжала леди Инглби, — можете посетить репетиции этих музыкальных чтений, которые готовят, чтобы погасить долг за орган. Кажется, они задумали нечто грандиозное.

— Я скорее оплачу весь долг, чем приближусь к музыкальным чтениям хотя бы на милю, — решительно сказала Джейн.

— О нет, — быстро вмешался Гарт, заметив разочарование Майры. — Так полезно, когда люди сами отрабатывают долги и зарабатывают на то, что нужно их церкви. А музыкальные чтения прелестны, если их хорошо исполнить; уверен, здесь так и будет, раз участвуют люди

леди Инглби. Сегодня утром Лоусон изложил мне содержание и напел все главные мелодии. Чрезвычайно драматично. Робинзон Крузо — нет, конечно, не он! Как же этого беднягу зовут? «Хижина дяди Тома»? Да, я знал, что это что-то чёрное. Лоусон — дядя Том, а маленькая дочь священника будет маленькой Евой. Мисс Чемпион, вы пойдёте со мной на ближайшую же репетицию.

— Пойду? — сказала Джейн, не сознавая, как нежна улыбка, которую она ему подарила; сознавая лишь, что в сердце живо воспоминание о вечере в Овердене, когда ей так хотелось сказать ему: «Скажите только, чего вы хотите от меня, и я это сделаю».

— Полин с удовольствием пойдёт с вами, — сказала миссис Паркер Бэнгс. — Она обожает деревенскую музыку.

— Вздор, тётушка! — сказала мисс Листер, успевшая занять свободное кресло возле Майры. — Я согласна с мисс Чемпион насчёт музыкальных чтений и никакой музыки, кроме самой лучшей, не люблю.

Джейн быстро повернулась к ней с сердечной улыбкой и самым дружеским видом.

— Ах, но вы должны пойти, — сказала она. — Будем страдать вместе. А может быть, Далу и Лоусону удастся обратить нас в поклонниц музыкальных чтений. Во всяком случае, будет забавно послушать объяснения Дала. Ему понадобится мужество отстаивать свои убеждения.

— Кстати о «чём-нибудь по-настоящему захватывающем в музыке», — сказала Полин Листер, — у нас это случилось на борту по пути сюда. На «Арабике» собралась славная, дружная компания, и на вечер четверга, на половину девятого, устроили концерт. Мы были примерно в двухстах милях от берегов Ирландии; когда поднялись после обеда, оказалось, что попали в густой туман. В восемь начали подавать туманный сигнал каждые полминуты, и, пока он звучал, собственного голоса нельзя было расслышать. Но все программы были уже напечатаны, это был наш последний вечер на борту, и концерт решили всё-таки провести. Мы всей толпой спустились в салон; и каждые тридцать секунд любой номер программы прерывался оглушительным «бу-у!» сигнала. Вы не представляете, как забавно он вступал — точно вовремя. Один мужчина с глубоким басом пел «В колыбели морской глубины»; каждый раз, когда доходил до припева «И спокоен, и тих мой со-он», сигнал делал «бу-у!», так что, во всяком случае, наши надежды на спокойный сон в ту ночь становились несколько сомнительными. Потом мужчина с нежным тенором пел «Как часто в тихой ночи», а сигнал показывал нам, как именно часто: каждые тридцать секунд. Но самый странный эффект получился, когда одна девушка стала играть соло на фортепиано. Что-то из Шопена, с пассажами, трелями и мелкими серебряными нотками. Начала она хорошо; но на середине первой страницы сигнал вдруг сделал «бу-у!» — дольше обычного. Мы видели, как летают её пальцы, как переворачивается страница, но не слышали ни ноты. Когда старый гудок смолк и рояль снова стало слышно, она добралась до середины второй страницы, а что к этому привело, мы не слышали. Боже, до чего было смешно! И так всё время. Она была храбрая девушка: доиграла до конца. Когда закончила, мы наградили её дружными аплодисментами, а туманный сигнал присоединился и заглушил нас. Такого странного концерта я ещё никогда не слышала. Но нам всем понравилось. Не понравилось только то, что этот шум продолжался до пяти утра.

Джейн повернулась в кресле и с живым интересом слушала прекрасную американку, с искренним удовольствием глядя на её изысканное лицо и грациозные жесты. Она думала, как приятно должно быть Далю смотреть на неё, когда та говорит с таким обаянием и оживлением.

Она опустила взгляд, пытаясь увидеть восхищение в его глазах; но голова его была склонена, и он, по-видимому, весь погрузился в то, что длинным черешком каштанового листа обводил узор дырочек на её башмаках. Мгновение она смотрела на стройную смуглую руку, так тщательно занятую этим бесполезным делом, словно та работала над холстом; потом вдруг отдернула ногу, почти рассердившись на него за невнимание и явное равнодушие.

Гарт тотчас выпрямился.

— Это, должно быть, было ужасно смешно, — сказал он. — И как прекрасно вы рассказали! Словно слышишь сигнал и видишь растерянные лица исполнителей. Туманный сигнал, как землетрясение, — из тех вещей, к которым никогда не привыкают. С каждым разом он звучит хуже. Давайте каждый расскажет самое смешное, что помнит на концерте. Я однажды слышал, как один юноша читал теннисоновскую «Атаку лёгкой бригады», сопровождая её весьма драматическими жестами. Но он ужасно нервничал и несколько перепутал слова. Описывая настроение благородных шестисот, он внушительно сообщил нам:

Не им ответ держать,
Не им идти и умирать —
Им лишь причину выяснять.

— Тон и жесты были вполне правильные; сомневаюсь, чтобы многие слушатели заметили, что со словами что-то не так.

— Это напоминает мне, — сказал Рональд Инграм, — едва ли не самое смешное из всего, что я слышал. На благодарственной службе, когда часть наших солдат вернулась из Южной Африки. В конце пели весь национальный гимн. Помните, как недавно пришлось сменить местоимение и как трудно было удержаться и не запеть «Даруй ей победу»? Так вот, прямо за мной стоял человек с огромным голосом; он пел во всю силу и особенно старался везде правильно произносить местоимения. А добравшись до четвертой строки второго куплета, с верноподданническим пылом запел:

Расстрой его политику,
Сорви его злые замыслы!

— Короля это позабавит, — сказала леди Инглби. — Вы уверены, что так действительно было, Ронни?

— Совершенно! Могу назвать церковь, день и призвать свидетелями целую скамью людей, которые чуть не лопнули от смеха.

— Тогда при первой возможности расскажу его величеству и скажу, что вы это слышали. Но как же теннис? Что дальше? Финал пар? Ах да! Дал, вы с мисс Листер играете против полковника Лорейна и мисс Вермонт; думаю, вы должны выиграть довольно легко. Вы двое так хорошо подходите друг другу. Джейн, это будет стоить посмотреть.

— Уверена, — горячо сказала Джейн, глядя на двоих, которые поднялись и теперь стояли рядом в вечернем солнце, осматривая ракетки и обсуждая возможную тактику в ожидании противников.

Они составляли такую сияюще-прекрасную пару, словно природа вложила всё своё лучшее и самое прелестное в каждую черту обоих. Единственное возражение, какое можно было бы найти против их брака, состояло в том, что её тёмная, стройная красота настолько походила на женское повторение его красоты, что их легко можно было принять за брата и сестру. Но Джейн это возражение не приходило в голову. Её искреннее восхищение Полин возрастало с каждым взглядом; и теперь, действительно увидев их вместе, она была уверена, что дала Гарту мудрый совет, и радовалась, что он ему следует.

Позже, когда они возвращались в дом вдвоём — она и Гарт, — Джейн просто сказала:

— Дал, вы не обидитесь, если спрошу? Всё уже решено?

— Я не обижусь ни на один ваш вопрос, — ответил Гарт. — Только поясните. Что именно решено?

— Вы с мисс Листер помолвлены?

— Нет, — ответил Гарт. — Почему вы предположили, что мы должны быть помолвлены?

— В Овердене во вторник — во вторник! Ах, разве не кажется, что прошло несколько недель? — вы сказали, что нам следует принять вас всерьёз.

— Кажется, прошло несколько лет, — сказал Гарт. — И я искренне надеюсь, что вы примете меня всерьёз. И всё-таки я не сделал мисс Листер предложения и очень хочу поговорить с вами об этом без помех. Мисс Чемпион, сегодня вечером после обеда, когда все игры и развлечения будут в полном разгаре и мы сможем незаметно ускользнуть, вы выйдете со мной на террасу, где я сумею поговорить, не опасаясь, что нам помешают? Лунный свет на озере стоит увидеть с террасы. Вчера я провёл там час... ах нет, тут вы ошиблись: когда катание на лодках закончилось, я провёл его один и думал о том... как... сегодня вечером... мы могли бы разговаривать там вдвоём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.